

ОТРАВЛЕННАЯ
СТАЛЬ

Всеволод
Георгиев

Всеволод Георгиев
Отравленная сталь

«Этерна»

2014

Георгиев В.

Отравленная сталь / В. Георгиев — «Этерна», 2014

Роман «Отравленная сталь» представляет собой продолжение романа «Все пришедшее после» и так же, как первая книга, посвящен событиям конца XX века. На этот раз действие распространяется на период вплоть до дня жестокой атаки на башни-близнецы в Нью-Йорке. Вторая книга отражает новые тенденции бурного времени, соглашаясь с максимой: ничего не меняется, но кое-что становится другим. Подобно первой, она содержит иное, отличное от общепринятого, понимание событий и не менее увлекательна и глубока.

© Георгиев В., 2014

© Этерна, 2014

Содержание

Часть первая	5
1. Жаркий день в июне	5
2. Эффект бабочки	12
3. Узор завещания	19
4. Корпорация избранных	27
5. Единожды солгав	34
6. Малые маневры	42
7. Вихри перемен	50
8. Зона неопределенности	57
Часть вторая	63
1. Старая площадь	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Всеволод Георгиев

Отравленная сталь

Часть первая

Лаборатория хаоса

1. Жаркий день в июне

- Follow the white rabbit!
- Чего?
- Иди за белым кроликом!
- Чего?
- Чего-чего! Иди за кроликом. За белым.
- Каким еще кроликом?! – Артур проснулся.
- «Куда идти? Ну, дела! Господи, что только не приснится!»

В комнату медленно въехало солнце и так же медленно выехало. Артур улыбнулся и раскинул руки, они свободно упали на постель. Эта свобода заставила его если не нахмуриться, то, по крайней мере, поморщиться. Он не любил, когда Людочка уезжала. Артур с тревогой повернулся к окну. Город опять накрыла свинцовая туча. Может быть, где-то и существовал голубой клочок неба, может быть, но его не было видно. Артур вздохнул.

Сразу после Пасхи 1995 года в Москву пришло настоящее жаркое лето. Гремели грозы. Раскаленное, обжигающее кожу солнце быстро высушивало мостовые. Над мостовой, как над потемневшей от воды тканью, по которой только что проехали горячим утюгом, поднимался пар, и мокрый асфальт, дымясь, снова приобретал цвет отглаженных светло-серых брюк.

Людочка убыла на несколько дней к родителям, найдя щелочку между зачетной сессией и вступительными экзаменами. В институте, где она преподавала, в общем-то, уже никому не нужную в новой рыночной действительности общую физику, щелочка была довольно узкой: здесь прием абитуриентов начинался раньше, чем в других вузах. Артур с женой ехать не мог. Из числа причин самая важная состояла в нехватке денег на поездку. С прошлого года стали задерживать зарплату. На два, на три, иногда на четыре месяца. Инфляция била по обезличенным массам сразу двумя концами: во-первых, из-за нее тот, кто платил, не мог удержаться от соблазна притормозить выплату, оставляя массы без денег, а во-вторых, за два-три месяца полученные наконец деньги изрядно обесценивались.

– Давай и ты не поедешь, – уговаривал Артур Людочку. – Давай переживем это трудное время вместе, – добавлял он с пафосом, пытаясь воздействовать на эмоции, а не на логику.

Однако Людочка хорошо знала мужа и не поддавалась на уловки.

– Нет уж! – говорила она. – Может, в следующем году вообще не удастся поехать. Я их уже три года не видела. Поживешь, хлопче, один, ничего с тобой не случится. Есть такое слово – надо, понимаешь?

- Ну, надо так надо, – уныло отвечал Артур.
- Я буду звонить.
- Не люблю разлучаться... – гнул свое Артур.
- Мы и так с тобой неразлучны, как Ландау и Лившиц.
- Как Бойль и Мариотт. Нет, как Склодовская и Кюри.
- Свисти, свисти...

За окном мерцали первые огоньки, небо теряло краски, туго натянутый гул со стороны шоссе ночным шелкопрядом бился в стекла. Солнце погрузилось по самую макушку в остывающий центр Москвы, а внизу, во дворе, образовалась синяя глубина.

Людочка, упрямо склонив лоб, уперлась им в оконное стекло. Она уедет, а отпечаток останется, и Артур не станет полировать поверхность тряпкой, он сохранит его.

Артур устроил свой подбородок на плече у Людочки, утонувшей взглядом в темном омуте двора.

– Не люблю, когда ты уезжаешь.

– Я только туда и сразу обратно, – не отвлекаясь, сказала она.

– Туда и обратно... – невнятно произнес он.

Людочка была всем, что у него есть. Всем, что у него осталось из благоприобретенного. Она была его оправданием, когда он подводил итоги и приходил к мысли, что, оказывается, жил напрасно. Для технарей-оборонщиков настало время выживать, как-то суетиться, а тому, кто не может – умирать. Некрологи с мужскими портретами регулярно появлялись на доске у входа на их предприятие. Это были его коллеги и старшие товарищи, еще молодые, им бы еще жить и работать. Они оказались не у дел, их темы и планы закрывались и отвергались, оборудование списывалось, изделия и результаты многолетних исследований отправлялись в утиль, от них самих ждали увольнения. Новое время их самих отправляло в утиль.

Людочка не понимала его терзаний, но имела законное право возмутиться: «Как напрасно?! А как же я?! Кем была бы я?! И была бы?!»

Хоть одного человека можно сделать счастливым? Не так уж мало!

За этот якорь он и держался.

Он вдруг обнаружил, что ему неинтересны другие женщины. Вряд ли романтические отношения могли поразить его новизной, а вот периоды узнавания и вероятного разочарования выглядели удручающе.

Несомненным достоинством Людочки было то, что она ничего не требовала от него. Она жила, как дышала, и Артура призывала к тому же.

Итак, Людочка уехала, пообещав звонить с почты по межгороду каждую среду.

Сегодня была среда. Артур сбросил одеяло и снова посмотрел в окно. Небо ответило ему суровым взглядом. Надо одеваться и ехать. Она позвонит ему на работу ближе к полудню.

Не так давно лабораторию Артура перевели с Самокатной на окраину Москвы. Новое здание института стали строить еще в начале семидесятых, да так до конца и не достроили.

Однако введенных в эксплуатацию площадей с лихвой хватило для приходящего в упадок института. Почти сразу после вселения лабораторию Артура ликвидировали, Артуру оставили небольшую группу, и теперь он из начальника лаборатории превратился в «вээнэса» – ведущего научного сотрудника.

Вычислительный центр, составлявший основу лаборатории, с огромными электронно-счетными машинами, которые требовали целого штата инженеров и техников, теперь легко заменяли несколько настольных компьютеров, объединенных в локальную вычислительную сеть.

Было время – нерасторопные стальные монстры мигали огоньками на пульте управления, урча поглощали информацию на внешних носителях, подпевали себе во время счета. Они занимали своими шкафами целые комнаты. За дверцами шкафов пряталась ламповые усилители, оперативная память на ферритовых кольцах и толстые, как автомобильные шины, магнитные барабаны.

Это время прошло. Резвые монстрики обладали куда большими возможностями, большей производительностью, надежностью, удобством, дерзостью. Пассионарии, рвущиеся вперед. Не так давно группе Артура поставили новые, 486-е компьютеры. И хотя фирма Intel уже собиралась прекращать выпуск 486-го, перейдя к более совершенным процессорам Pentium,

для Артура и его группы они были настоящей роскошью, просто повезло. Им повезло, что первый этаж их института арендовала фирма, которая занималась продажей компьютеров. Она то и продала институту по дешевке компьютеры на сравнительно недорогих микросхемах.

Сегодня Артур прибыл на работу раньше, чем обычно.

– Салют! – В комнату вошел Феликс и привычно включил свой старенький переносной телевизор.

– Салют! – сказал Артур и передвинул на календаре ползунок на сегодняшний день – 14 июня.

Феликс переехал с Самокатной вместе с Артуром. Теперь ему приходилось ездить на работу из своих Люберец почти на противоположный конец Москвы. Его старая жигулевская «четверка» из последних сил прыгала по московской кольцевой.

Артур, как мы помним, жил у Рогожской Заставы, на Библиотечной улице в двух шагах от метро. Ему тоже было неудобно и непривычно ездить на службу с двумя пересадками. Он избаловался, работая на Самокатной: она была совсем рядом.

Если честно, то делать на работе Артуру, кроме как ждать звонка от Людочки, было нечего. После распада СССР военные заказы сократились, заказчики задерживали финансирование, а гражданских заказов не поступало. И как доехать до работы, если зарплату не платят? Чтобы сэкономить, Артур ходил от метро пешком, получалось минут на двадцать дольше, зато бесплатно. А Феликс нашел для себя дешевый способ заправляться: прямо у бензовоза.

В свое время Артур занимался машинной обработкой снимков из космоса. Он находил невидимые простым глазом объекты, едва не получил Государственную премию за разработки по обнаружению подводных лодок. Это было тогда, а теперь основная его деятельность заключалась в том, чтобы писать рецензии на диссертации высокопоставленных военных, которые разом вдруг бросились получать ученые степени. Они не только не писали (за них писали другие), но иногда даже не давали себе труда прочитать свою диссертацию.

В эту турбулентную пору всякий, имеющий денежную или административную возможность, спешил обзавестись ученой степенью (остепениться): банкиры и политики, владельцы бензоколонок и министры.

Большое спасибо за девальвацию ученых степеней и званий, за девальвацию научного труда и знания. Девальвация – это презрение. Презрение порождает импотенцию и безразличие, то есть очевидную неэффективность. Неэффективность закольцовывается с презрением. Вялый бег на месте в беличьем колесе.

Так рассуждал Артур, когда шел от станции метро «Юго-Западная» к Боровскому шоссе.

«Такое впечатление, – продолжал он, – что объем накопленного знания, сосредоточенный в руках или, вернее, в мозгах профессионалов, размазался тонким слоем на всех, кому не лень иметь свою точку зрения. Раньше немногие знали много, теперь многие – но совсем по чуть-чуть. Закон сохранения знания Артура Гонсалеса. Отсюда практическое следствие: много болтовни и мало дела».

Размышляя, Артур не забывал с тревогой посматривать на небо. Он внимательно смотрел на невысохшие лужи, ловя в них металлический блеск – предвестник близкого дождя. Ему вовсе не улыбалось вымокнуть в начале рабочего дня. К счастью, дождь не торопился, и Артур поднялся на свой этаж, избежав очередной грозы с ливнем.

Когда Феликс включил телевизор, Артур включил свой компьютер.

Телевизор нагревался, компьютер что-то тихо бормотал, загружая в себя исходный «софт», то есть ум, честь и совесть компьютера, одушевляющий «железо» – аппаратное тело компьютера.

– Спасен последний горняк! – вдруг рывкнул телевизор. – Он самостоятельно выбрался на поверхность!

Артур вздрогнул и, очнувшись, огляделся вокруг. Феликс вернулся в комнату с полным чайником в руках. Когда он успел выйти?

– Все пучком! – сказал Феликс, включая чайник в розетку. – Если в кране нет воды, значит... сам знаешь что.

– Но вода-то есть!

– Вот и я говорю: есть!

Над столом у Феликса висели три старых советских плаката полувековой давности. На одном девушка в косынке, приложив палец к губам, призывала не болтать, чтобы не услышали шпионы, на другом молодой дяденька решительно отстранял от себя рюмку (Феликс зачем-то пририсовал ему усы), третий плакат наставлял цитатой из романа Островского «Как закалялась сталь»: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение рабочего класса».

Скоро полдень, а Людочка все не звонит. Артур представил себе, как хорошо ей спится в родительском доме. Солнце уже высоко, но через окно, выходящее в сад, открытое мамой поздним утром, струится свежий воздух, несущий запах вишневой смолы и беззаботную переключку пичужек. Она потягивается под белым в мелкий цветочек пододеяльником, силится, но не может открыть глаза. Наверное, там так тепло, что она спит без носочков, ей это непривычно и немного тревожно и в то же время волнительно и сладко...

Родители Людочки вскоре после обретения Украиной самостоятельности перебрались из Киева в Россию, на Ставрополье, и поселились в небольшом городке на берегу Кумы. Там стоял крупный Прикумский завод пластмасс, еще маслосырзавод и элеватор. Испокон веку в этом месте селились армянские и грузинские беженцы, но это было давно. Статус города селу присвоил император Павел и назвал его Святой Крест.

Нет, конечно, теперь он так не называется. Теперь он носит название Буденновск.

... Два военных КамАЗа, поднимая пыль, на скорости двигались по его улицам к отделу милиции. Впереди шла желтая милицейская «канарейка», позади вторая. Первая сопровождала грузовики еще до въезда в город. Вторую им придали на Прасковейском милицейском посту. «Везем груз “двести”, – сказали они на посту. – Какой груз “двести”? Вы что, ошалели возить в жару покойников?» – возмутился постовой, уставившись на «скорую помощь», которая возглавляла КамАЗы. «Вот и не задерживай! Уймись и займись делом!»

По дороге «скорая помощь» куда-то исчезла, а в конце улицы Кочубея один из КамАЗов внезапно остановился.

– Горючка кончилась! – крикнул, открыв дверь, водитель.

Первая милицейская «канарейка» и передний КамАЗ продолжали пылить в сторону милиции.

Затормозивший грузовик длинно выдохнул и затих. Приданный на Прасковейском посту замыкающий автомобиль милиции последовал его примеру. В тишине тяжкая жара опустилась жирным задом на замершие машины.

Милиционеры из замыкающей «канарейки» потянулись на воздух, вышли размять ноги. И тут задний борт крытого грузовика отвалился, и оттуда выпрыгнули... нет, не покойники, а трое очень даже живых и жизнерадостных парней в камуфляже и зеленых пиратских косынках на головах. В руках они держали автоматы Калашникова. Едва прицелившись, парни ударили автоматными очередями по милиционерам и их машине. Очереди странно прозвучали в сонной тишине густых садов. А из грузовика продолжали выпрыгивать вооруженные люди. Группами они разбежались по близлежащим улицам. Первая группа побежала на Ставропольскую, вторая свернула на Почтовую.

Головной КамАЗ с милицейской легковушкой в это время атаковал городской отдел милиции.

За две недели до этого дня в Буденновскую больницу пришел местный бизнесмен, чтобы снять в аренду пустующий подвал.

– Ну, какая аренда?! Мы – госучреждение! У нас договор на оперативное управление. Какая аренда?! Если у нас есть лишняя площадь, мы должны отдать ее на усмотрение органов власти.

– Слушай, хорошие деньги плачу, да! Вперед плачу! Войди в положение, слушай. Пере... как это? Перекантоваться надо. Полгода вперед плачу! Временно, слушай! Договор заключим, да. Все по закону, да. В бухгалтерию, да. Хочешь, немного тебе, да.

– Ладно, сейчас главного бухгалтера позову. Закон вроде впрямую не запрещает. А что не запрещено... Короче, подумаем, как это сделать? Может, действительно попробовать сдать, а?

Сдали. Несколько раз в подвал привозили какие-то ящики. Тяжелые. Новое оборудование. Оборудование чего? Никто не уточнял.

Когда злополучным днем в больницу со всего города боевиками в камуфляжной форме были согнаны заложники и захватчики готовились отражать штурм больницы, они чувствовали себя очень уверенно, и не только потому, что прикрывались заложниками, но и потому, что у них под ногами в подвале больницы хранился огромный запас оружия и боеприпасов. Хватило на неделю, даже еще кое-что осталось.

Через неделю они с частью заложников ушли, уехали на предоставленных по их требованию автобусах. Доехав до Зандака, боевики, подозревая, что автобусы заминированы, а так оно и было, скрытно покинули опасные средства передвижения, не причинив вреда заложникам.

До этого было предпринято несколько попыток штурма и обстрела больницы. В больнице удерживались две тысячи горожан, не считая больных и медперсонал. Мирные люди погибали во время штурма, их расстреливали, если они не подчинялись требованиям боевиков, они умирали от сердечного приступа, и, конечно, к стенке без разговоров ставили захваченных милиционеров и военных. С самого начала, когда штаб по ликвидации бандформирования не отреагировал на предложение захватчиков прислать журналистов для выхода в прямой эфир, немедленно расстреляли пятерых ни в чем не повинных граждан. Справедливости ради следует сказать, что больных захватчики старались щадить.

Штаб по ликвидации не хотел отпускать боевиков, надеялся уничтожить их в дороге. Наверное, поэтому всем добровольцам-заложникам, согласившимся сесть с боевиками в автобусы, командование штаба находчиво предложило предварительно написать заявление о переходе на сторону боевиков. Тогда с командования и взятки гладки. Никто писать не стал. Какая досада, а то все так бы хорошо устроилось!

Президент Ельцин почти все время действия провел в Галифаксе, где его принимала «большая семерка», руководители семи развитых государств. Разруливать ситуацию с главой боевиков пришлось премьеру Черномырдину: «Шамиль Басаев, говорите громче, вас плохо слышно». Ельцин вернулся и без долгих сомнений отреагировал: директор федеральной службы контрразведки, губернатор края, министры внутренних дел и по делам национальностей оставили свои кресла.

А Людочка в то утро, вовсе не так, как думал Артур, встала пораньше, чтобы успеть на почту до наступления дневной жары. Она позавтракала только что испеченными оладушками со сметаной, запивая их растворимым кофе, оделась для выхода в город и отправилась в путь.

Если идти по тропинке рядом со штaketником, то тепло чувствуется, а жара – нет. Фруктовые деревья, кусты шиповника и махровая сирень отбрасывали пусть не длинную, но все же достаточную, чтобы в ней спрятаться, тень. Платье на Людочке было легкое, светлое, в скромный горошек. Она любила простые девичьи платья, не длинные, но и не короткие, с пуговицами до самого горла и отложным воротничком. Не хватало только туфель с перепоночкой

и белых гольфов. Впрочем, белые носочки присутствовали, а вместо туфель – открытые сандалии. Из всех украшений – маленькие золотые сережки да пушистое белое колечко в волосах, собранных в «конский хвост». На тонком запястье – массивные пластиковые часы «Team Pepsi» синего цвета, никак не подходящие ни к наряду, ни к руке хозяйки, зато ходят точно и заводить не надо.

Ни капельки пота не появилось, когда она наконец добралась до почты, заказала разговор с Москвой и села, ожидая приглашения в переговорную кабину.

Как водится в общественных местах, большинство посетителей составляли женщины. Сухонький старичок в темной ковбойке что-то старательно выводил на телеграфном бланке простой ручкой с металлическим пером, тыкая им в чернильницу и обирая пальцами прилипшую труху. Руки у него были в чернилах, перо нещадно царапало бумагу, но он не сдавался.

Людочка сразу же нашла общую тему с соседкой, та занимала стул справа и тоже ждала своей очереди на «межгород». Сонно жужжали мухи, они еще не познакомились с липкой лентой, которая свисала с потолка желтыми спиралями. Редкие возгласы девушки-оператора типа «Кто заказывал Ростов?! Пройдите во вторую кабину!» заставляли дремотное сознание приятно вздрагивать и оступаться на пути в сады Морфея. Всех объяла дрема.

И тут с улицы вдруг послышался громкий молотковый перестук, будто сразу несколько человек принялись стучать кулаками в железную дверь. Задребезжали стекла. Старик встревожился и наострил уши, у женщин от любопытства раскрылись слипающиеся глаза. Потом все стихло. Затем опять возникла молотковая дробь. Пока старик раздумывал, подойти к окну или нет, дверь снаружи открылась, и в помещение вошли люди в камуфляже и с автоматами. На головах у них были зеленые косынки и армейские шляпы-афганки.

– Всем построиться! Предъявить документы! – топнув ногой, крикнул один из вошедших.

Немая сцена. Никто не приподнялся, не двинулся с места.

Бородатые лица смотрелись как древнее зло, выпущенное из подземелья.

Потом все, включая работниц почты и старика, неловко выстроились в центре зала. Все, да не все. Одна из посетительниц, видно, привыкла командовать у себя в ларьке, она не представляла себе, что мужчина не всегда есть жалкая скотина, выпрашивающая у нее в долг бутылку или кружку пива. Выведенная из равновесия, она окрысилась на старшего бородача, как на прилюдного забулдыгу:

– А я шас милицанера позову! Халявшики проклятые, житья от вас нет! Чтoб ты лопнул, урод! Глаза твои бесстыжие! Пшел отсюда и дружков своих заberi!

Бородач даже не удостоил ее взглядом, он выразительно покосился на парня с автоматом, тот лениво приподнял ствол и выпустил по кричавшей тетке короткую очередь. Пули прошли аккуратно между ее ног, как под аркой, наделав в юбке дырок. Под юбкой просвистел щекочущий ветерок. И опять все оцепенели. Под теткой стала натекает прозрачная лужица мочи.

Старик в ковбойке заморгал, замер с полуоткрытым ртом. Кто-то из женщин закрыл лицо руками. Было слышно, как жужжат мухи.

Старший поднял руку с пистолетом и выстрелил в потолок. В тишине выстрел из «ТТ» прозвучал, как выстрел из пушки. С потолка брызнула штукатурка.

В этот момент в дверь уверенно вошел высокий мужчина, тоже бородатый, лет тридцати. Штукатурка оседала на столах.

– Что у вас тут? – спросил он, ни к кому определенно не обращаясь.

– Женщины, – презрительно ответил старший.

Другие боевики спешно рассыпались по почтовому отделению. Видно, вошедший был самым главным, и им хотелось, чтобы он оценил их рвение.

Старший спрятал пистолет и начал отбирать у женщин документы, ругаясь, если их не было. Людочка протянула паспорт, невольно зажмурившись и втянув голову в плечи. Тот, кто,

очевидно, оказался главным, кто командовал всей этой боевой операцией, взглянул на нее, остановился и закусил губу.

Людочка не была здесь ни самой молодой, ни самой красивой, и он остановился перед ней не потому, что она ему чем-то понравилась или, наоборот, не понравилась. При взгляде на нее у него неожиданно опустилось сердце, что-то солнечное из далекого прошлого пробудилось в груди, в горле возник комок, и, вспоминая, он увидел весеннюю Москву, поворот на улицу Казакова от театра Гоголя и парня с девушкой, парня, который выхватил его, вчерашнего студента и сегодняшнего полевого командира, из-под заскользившего грузовика, и девушку, которая вот так, как сейчас, сжалась при виде мчавшейся машины. «Шамиль, Шамиль, – весело кричали ему тогда сокурсники с балкона общежития. – Проверка слуха!» – а он, смущенно улыбаясь, прыгал через лужи. Сколько же лет прошло с той поры? Может, сто, а может, и больше. Людочка не могла узнать в этом страшном, огромном бородаче того студента, легко перепрыгивающего сверкающие черные ручки на асфальте. А он узнал ее.

Шамиль отобрал у старшего паспорт Людочки и заглянул в него: так и есть – москвичка. Возвращая его хозяйке, обратил внимание на простое обрубальное колечко.

– Дядя Умар, – сказал он, обращаясь к старшему. – Лично проводи ее до дому. Ты понял? Старший серьезно кивнул.

– Всех остальных – к больнице! – повысил голос Шамиль и, помолчав, добавил уже тише, для Людочки: – Мужу твоему передай привет.

– От кого? – потеряв голос, прошептала Людочка.

– Скоро узнаете, – ответил он. – Скоро узнаете.

На улице у нее подкосились ноги. Она стала думать об Артуре, это придало ей сил. Потом она подумала, что папа и мама не находят себе места и что ей надо как можно быстрее попасть домой. Дядя Умар, покусывая травинку, шагал сзади. Со стороны Пушкинской в небо поднимался дым, где-то у загса угадывалось пламя – горела машина.

Когда дошли до ее дома, приблизился шум вертолетных винтов. Низко в сторону Ставропольской сквозь банный воздух проталкивался армейский вертолет. Дядя Умар, моргая, проводил его взглядом. Моргающий взгляд дяди Умара метал молнии не хуже спаренной зенитной пушки «Эрликон». Тем не менее вертолет благополучно пролетел мимо, направляясь к отделу милиции.

Людей с улиц, из домов, с рынка боевики вели, везли, гнали, как пленных, в здание больницы на берегу Кумы. К вечеру больница оказалась битком набита заложниками, больными и ранеными и стала опорным пунктом отряда Шамиля Басаева.

– Женщина, спрячься, закройся и никуда не выходи, – сказал дядя Умар, с трудом оторвав взгляд от вертолета.

Людочка сказала «спасибо, до свидания», дядя Умар усмехнулся и пошел назад к своему командиру, качая головой и криво улыбаясь в бороду: «Ох уж эти женщины! Какое такое свидание?! Курьи мозги!»

А Людочка уже спешила под мамину защиту, сбивчиво и непоследовательно жалуясь на злых чеченцев и повторяя слово «война». Мама отвела ее под душ, высушила, посадила за стол на кухне, позвала отца, и Людочка по третьему разу все рассказывала про чеченцев, не замечая, жевала оладушки с медом и запивала их чаем с травами. Ее уложили спать, а когда она проснулась, солнце готовилось к закату и по телевидению передали, что группа террористов напала на Буденновск, но она уже выбита из города, среди населения имеются раненые. На самом деле все только начиналось, и мертвые имелись в немалом количестве.

2. Эффект бабочки

Все еще только начиналось. В частности, повальные аресты местных чеченских семей. Их, в отместку боевикам, заперли в подвале отдела милиции и предложили обменять на заложников, а в противном случае расстрелять. «Они – граждане России, – был ответ. – Хотите – расстреливайте». И еще – первые попытки штурма захваченной больницы, и кровь, стекающая по ее лестницам, и выставленные в окна больницы заложники, за ними прятались чеченские снайперы, и принуждение к переговорам, и подготовка пресс-конференции Шамиля Басаева, ее передавали по телевидению средства массовой информации.

Людочку тем же вечером почти тайком вывезли из города и посадили на проходящий поезд, так что пресс-конференцию она смотрела в Москве вместе с Артуром.

– Вот, вот! Это же он! – На экране появилось бородатое лицо полевого командира.

Артур напряженно пытался вспомнить, где он мог познакомиться с этим молодым бородачом в тельняшке и куртке защитного цвета. Что-то знакомое в нем было, но что? Через несколько дней во сне он увидел белые шары перед входом в институт инженеров землеустройства, весенний полуденный свет, плавающий ледяные дорожки, и несущийся сверху грузовик. Артур дернулся во сне и проснулся. Но в самый последний момент перед этим он успел заметить слепой, безмятежный взгляд молодого человека, подставившего спину неуправляемому автомобилю. И он вспомнил.

Время и случай! Время и случай для всех людей. Выдернул из-под колес грузовика. Никто не знает своего времени. Ну, надо же! Нет праведника, который делал бы добро и не грешил. Вот как все повернулось!

Факт требовал осмысления. Вспомнив, Артур открыл глаза Людочке. Она тоже вспомнила этот случай семилетней давности. Тогда они жили в Советском Союзе, и никто не предполагал, что впереди будет сначала развал Союза, разрушение привычной жизни, а затем страшная война, затеянная с Чеченской Республикой. Никто не мог себе представить, что вчерашний московский студент, возможно не из самых прилежных, станет на защиту Ельцина в 91-м, потом уедет, чтобы участвовать в революции в Чечено-Ингушетии, потом на стороне русских будет командовать кавказцами в Абхазии, получит спецназовскую подготовку, вырастет в известного чеченского полевого командира – мастера диверсии и терроризма, воина проклятого и знаменитого.

«Мы – воины Аллаха. И прежде чем начать боевые действия, мы решили обратиться к народу России и донести до него наши цели и задачи...» И подпись: «Независимый особый разведывательно-диверсионный отряд смертников-террористов (НОРДОСТ)». Это сообщали листовки, ходившие по Буденновску до того злополучного дня.

Они вошли в Буденновск 14 июня, а уйдут только 20-го.

А 15-го в Новой Шотландии, провинции Канады, собирался саммит «большой семерки». Приглашенный президент Ельцин 17-го должен был встретиться с президентом Клинтоном.

Ельцин перед поездкой в Новую Шотландию, как говорится, «разминался портвейном в буфете». Его генерал-телохранитель в рубашке с коротким рукавом и светлых брюках уговаривал своего патрона проследовать в баню. Президент не хотел и упирался.

– Борис Николаевич, Борис Николаевич, – приставал к нему глава его администрации, – надо решить вопрос, надо срочно решить вопрос.

– Вопрос решим, – не очень уверенно гудел Ельцин, – а в чем вопрос?

– Я же докладывал. Нападение террористов на город, на Буденновск.

– А где это?

– Ставропольский край, Борис Николаевич.

– Каких еще террористов?

– Чеченских.

– Чта-а-а?! Кто пустил?!

Глава администрации развел руками и поднял глаза к небу.

– Ты куда смотришь?! К Богу, что ли, обращаешься? Ты на меня смотри.

Генерал – хранитель тела и, отчасти, духа фыркнул. Ельцин выпрямился в кресле.

– Я, что ли, пустил? Не Бог, не царь и не герой, понял? – Президент запнулся. – Нет, не так! Не Бог и не царь, понял? Кто остался? Вот! – Президент поднял палец и лукаво ухмыльнулся. – Остался герой! Вернее, герои. Есть у нас герои. Они пустили, они пусть этим и занимаются. Своими прямыми обязанностями, между прочим. У меня этих министров-капиталистов до хрена. Город-то большой?

– Да какое там! Маленький такой городишко, кому он нужен? Вот и проспали.

– Проспали?! Про!..

– Вопрос не в городе, Борис Николаевич, вопрос в саммите. Ведь Клинтон вопрос поднимет.

– Кто?!

– Американский президент.

– Я что, не знаю, кто такой... Блин Клинтон? Ха! Клин Блинтон! Билл Клинтон!

– Билл Клинтон. Да.

– Ребят, вы что, совсем того?! – Президент хотел привстать, но раздумал. – Да при чем тут Билл Клинтон?! Ты что, не понимаешь, что враг в городе, в моем, нашем городе. Враг у ворот. Хрен-то! Не у ворот, а в самом городе. Ты что, не понимаешь, для чего мы все существуем?! Люди нам доверили свою безопасность. Первейшее дело государства. Ну, ладно, вот он, – президент показал на генерала-телохранителя, – ему только мою безопасность доверили. И он справляется. У нас тут по дорожкам враги не бегают. А если б бегали? Гнать его в шею! Ты понял?! А наши граждане? Родные наши граждане! Мы для чего вообще... Окопались, понимаешь, по кабинетам! В машинах разъезжают! Фу-ты ну-ты! Важные такие. Для чего, я тебя спрашиваю?! Они нам доверились, а мы им что?! П-пол-ную незащищенность?! Человек идет по улице, а враг тут как тут! В самом центре России! Эта как?! Билл Клинтон! Народ, что народ скажет?! Извини-подвинься, скажет, а не пошли бы вы в баню! И будет прав! – Президент стукнул ребром ладони по столу так, что звякнула стоящая на столе посуда.

– Вот и я говорю! – сказал генерал.

– Что?

– Надо идти в баню!

Президент уставился на стол.

– Все! – сказал он. – Я умываю руки! Я иду в баню. Этого хочет народ.

– Так что будем делать, Борис Николаевич? – успо-коенно осведомился глава администрации.

– Решить вопрос, – прорычал президент, поднимаясь. – Мало вас, что ли? Меня нет, я в бане.

– Давай, Серж, двигай, – скороговоркой обратился к главе администрации генерал-телохранитель. – Президент умывает руки.

– И ноги, – сказал президент.

– И ноги, – согласился генерал. – И еще много чего. Слышь, Серж, ты им там скажи, что президент обещал спросить с каждого, и... пожестче с ними, понял?

– Вот именно! – Президент опять поднял палец и, переходя на «вы», приказал: – Идите! И без результата не возвращайтесь! – Он повернулся к генералу. – Ну, что?

– Выдвигаемся, – сказал генерал.

– Пошли.

Глава администрации вышел вместе с ними, немного отстав и прислушиваясь к их разговору.

– Борис Николаич, – говорил генерал, – я анекдот вспомнил. Короче, один в баню приходит и говорит, мол, я мыло забыл, у вас тут мыло продается? Ему говорят, что есть, но только яичное. Да? А я хотел весь помыться!

– Я расстроен, Сашок, – гудел президент. – Ты ж понимаешь?

Глава администрации связался с премьер-министром. Премьер Черномырдин отдыхал в Сочи. Отпуск был прерван. Министр внутренних дел находился с визитом в Тбилиси. Его срочно направили в Буденновск.

Все получилось очень плохо. Часть боевиков приехали в Буденновск заранее. Поселились в гостиницах. Проглядели!

Часть живущих в городе чеченцев знали о готовящемся захвате и загодя уехали из города. Проморгали!

Что писал в листовке НОРДОСТ? «Сегодня в Чечне убивают наших матерей, отцов, братьев и сестер ваши отцы и сыновья. И если они не останутся, то и они узнают чувство, когда гибнут их близкие, ни в чем не повинные люди. Одумайтесь!» Не обратили внимания!

Спецслужбы докладывали: Шамиль Басаев с отрядом все еще блокирован в глухом ущелье Дарко. Обознались!

Машины с живыми «покойниками» без особых затруднений проехали не одну сотню километров. Пропустили!

Саму операцию проиграли. Боевики ушли и даже забрали с собой своих убитых.

В зачет можно было поставить только сравнительно небольшое для такой масштабной акции число жертв. Можно было, но посчитали такую оценку ошибкой.

Слишком много ошибок на один квадратный километр. Будто есть злая программа с неопределенным концом и вполне определенным результатом.

Артура эта история коснулась лично, и потому ему важно было подумать над ролью личности в истории. Нет, не так – ему о своей роли надо было подумать.

Людочка смотрела на него как-то искоса, будто еще не решила, виноват он в этой истории или нет. У нее начинали дрожать губы, когда ей что-то напоминало о том утра, проведенном на почте. С другой стороны, она же понимала, что только благодаря Артуру так легко отделалась. Он вроде как сначала вовлек ее в авантюру, а затем сам же и спас.

Артур чувствовал эту ее раздвоенность, будто возникшую трещину. Сам-то он не видел за собой никакой вины, лишь дивился хитрому стечению обстоятельств. Кстати, эта степень хитрости, невероятность происшедшего, видимо, больше всего озадачивали Людочку, болезненно привлекали ее внимание. Артур старался поставить себя на ее место, но у него это плохо получалось. Поклонник Александра Дюма, Артур имел свой чеканный ответ в форме риторического вопроса: разве герои писателя стали бы ломать голову, избежав очередной опасности? Да у них бы от этого очень быстро крыша поехала бы! Наиболее близок к тому, что сегодня мы называем комплексами, был Атос, но его опасения относились только к нему самому, когда он был не уверен, не роняет ли он себя в своих же глазах. Для мужчины есть только один страх – страх потерять свое лицо.

Артур рассказал про Людочку Феликсу. Тот знал, что она уезжала к родителям в Буденновск. Пришлось рассказать и о том давнем случае на улице Казакова, где произошла встреча с Шамилем-студентом. Последний сюжет произвел на Феликса куда большее впечатление, чем чудесное Людочкино избавление. В юности он прочел несколько книг в жанре фантастики (беллетристику он не любил и уже многие десятилетия читал только прессу) и хорошо запомнил Рея Брэдбери.

– И грянул гром! – возгласил Феликс после рассказа Артура. – Это же «эффект бабочки», скажи! Слышь, Порт-Артур! Ну, полный пейджер! А? Как там, помнишь? Бабочку нечаянно раздавили, и все будущее пошло к псам свинячим!

– Похоже, – раздумчиво отвечал Артур, скользя взглядом по книжным полкам. – В нашем случае бабочку спасли... Только я бы все же уточнил: это не «эффект бабочки». Строго говоря, «эффект бабочки» – это специальный термин, который придумал Эдвард Лоренц. И пришел к теории хаоса. Он поставил такой вопрос: может ли взмах крыльев бабочки в Бразилии вызвать торнадо в Техасе? Хаос и чувствительность к начальным условиям идут в комплекте.

– Вот именно – хаос! – повернул тему Феликс. – Терпеть ненавижу! Порядок – вот наша сила! Всем стоять смирно! Смотреть в глаза! Шаг вправо, шаг влево – побег. Прыжок на месте – провокация. Молчать, я вас спрашиваю!

Артур кивал в такт восклицаниям Феликса. Феликс остановился, ожидая реплики Артура.

– По-твоему, хаос – это когда все кругом безобразия нарушают? – начал Артур. – Нет, брат Феликс. Все гораздо серьезней. Смотри, – Артур достал с полки книгу, – видишь? «Синергетика». Наука изучает сложные динамические системы. Динамический хаос в том числе. Системы, которые не находятся в состоянии равновесия. Что она говорит? А вот что – вблизи равновесия нет развития. И когда-нибудь эта несложная, в общем-то, мысль дойдет до хозяев жизни. Они все стараются установить свой порядок, еще не понимая, что новый порядок, новая организация рождаются от хаоса. Не буду говорить тебе о бифуркациях и странных аттракторах, скажу только, что сложная нестабильная система в итоге переходит к этапу самоорганизации... самоорганизации, андестенд? То есть возникает новый порядок. Вот тебе и хаос!

– Да-а-а, – протянул Феликс, закладывая руки за голову. – Опасные вы люди, жуки-теоретики! То, понимаешь, будущих бандосов между делом спасаете, то науку выдумываете, как все развинтить. А чего ты в эту энергетику полез?

– Синергетику, – поправил Артур. – Ну, как сказать? Это же, фактически, неравновесная термодинамика. Современная наука. За нее Илья Пригожин Нобелевскую премию получил. Она всякие системы описывает. Лазеры, например. А я ими в ФИАНе занимался.

– От этой науки не только мухи, людидохнут.

– И бабочки, – вставил Артур.

– Люди! Сначала бабочки, потом люди. Хуже, чем от террористов. Вот скажи, – вернулся к предыдущей теме Феликс, – ты бы отпустил террористов? Отпустил бы?

– В той ситуации? Наверное.

– А я бы нет!

– Проблема, – вздохнул Артур.

– Ситуация... проблема... – язвительно сказал Феликс. – Накрыть всю больницу беглым артогнем, а потом еще танками проехать. Вот и вся проблема!

– Как в девяносто третьем? Из танков по парламенту?

Феликс тогда получил большую шишку на голове и легкое сотрясение мозга в схватке с милицией на Крымском мосту. Он очень досадовал, что ему не случилось участвовать в сражении за белый дом парламента, и тайно завидовал Артуру, которого рикошетной пулей ранило в ногу в Останкине. Рана от пули – это, конечно, более круто, чем шишка на голове от удара резиновой дубинкой, «демократизатором», как ее тогда называли. Поэтому Феликс притормозил в споре с Артуром и свернул на дорогу компромисса:

– Тогда раздолбать автобусы в поле из вертолетов. Там заложников меньше, – сказал он, морщась от собственной мягкотелости.

Артур вообще не хотел спорить, зная наперед все, что скажет Феликс. Легко рассуждать, когда это не касается тебя лично. Посмотрел бы он на Феликса, если бы кто-то из его близких оказался в заложниках. Справедливость суждений склонна заискивать перед частным интере-

сом. Нет интереса – и ты излучаешь самоуважение и уверенность, а вот если он есть – совсем другое дело.

Спор увял, едва начавшись, Феликс прилип к телевизору, а Артур принялся вспоминать состоявшуюся днями раньше их поездку с Людочкой на дачу к Косте.

Людочка, вернувшись, еще догуливала отпуск, Артур же мог денек-другой вообще не появляться на работе, тем более что зарплату не платили уже два с половиной месяца. По его мнению, вероятность того, что его хватятся на службе, асимптотически стремилась к нулю.

Костя... прошел без малого год, как мы расстались с ним и другими героями на Немецком кладбище в Москве. Они пришли туда к установленному каменному надгробию на могиле Ивана Францевича. «Тайну цареву добро хранить, дела же Божии открывать славно» – было написано на черной гранитной плите.

Много тайн унес с собой Иван Францевич Миллер, он же – Жан-Франсуа, он же – Джан-франко, которого кое-кто называл Великим Хизром Европы, бывший советский офицер, сталинский комбриг, человек, волею случая, труда и удачи посвященный в вековые исторические проекты, терпеливо реализуемые сменяющимися друг друга поколениями. «Терпелив, ибо вечен» – эти слова не относятся к суетному представителю публики. Семя скрывается в земле и лишь спустя время обнаруживает себя всходами, возрастает и дает урожай.

Вот и интересовавший Костю неотамплиерский проект объединения Европы дал устойчивый и заметный побег в виде пока ограниченного Европейского союза. Намеченное неодолимо реализуется, не обращая внимания на скептиков, позитивистов и просто недорослей. «Давайте создадим Соединенные Штаты Европы – давайте создадим континентальную Федерацию», – призывал на масонской мирной конференции в Париже в 1849 году Виктор Гюго. За профессией писателя и поэта скрывалось звание Великого магистра Сионского ордена, ордена, который стоял за спиной более известного ордена тамплиеров. «Всему свое время, и время всякой вещи под небом». Цель почти достигнута, еще несколько шагов, но время бросает новые вызовы, что-то меняется и надо менять тактику, надо просчитывать дальнейшие шаги, надо учитывать новые турбулентности в общем потоке времени. «Меняется эпоха! – предупреждал Иван Францевич перед смертью. – Коммуникации преобразуют мир и изменяют ментальность».

Он был солдатом, начавшим свой путь еще в жестком кавалерийском седле с деревянными «лавками» на войлочной подкладке. Он понимал, как трудно ему приспособиться к потоку новых технологий. Факты грядущего дня были уже не его фактами... он умер на утренней заре.

Знакомая Костина дача под Москвой на станции «Удельная» утопала в яркой зелени. Кое-где живая стена была сбрызнута мелкими белыми цветами. Сверху на торопливую зелень важно взирали вечные сосны.

В саду стоял стол, и с дороги через штaketник едва можно было разглядеть фигуру сидящего за столом человека. Он сидел, подперев рукой подбородок, и читал, откладывая прочитанные листы в сторону. От солнца его закрывала яблоня, а от жары – легкий любопытный ветерок, который обследовал углы дачного участка. Ветер поглаживал загорелую голову с седыми висками, потемневшие от ультрафиолета руки с проступившими венами. Эти руки некогда были наполнены редкой силой, а теперь они, на пару со старой выцветшей майкой, лишь отчасти давали представление о прошедшей молодости.

По дороге шла соседка.

– Константин Георгиевич, здравствуйте! – крикнула она.

Сидящий за столом оглянулся и махнул рукой, жестом приглашая ее войти в калитку.

– Не сейчас, – последовал ответ. – Позже. Вам пенсию не пересчитывали?

Костя, прижмурившись, помотал головой.

– Схожу узнаю, – сообщила ему соседка.

Костя одобрительно кивнул и снова махнул рукой, на этот раз прощаясь.

Диалог, в котором один из участников не произнес ни слова, погас столь же быстро, как и вспыхнул. Так бывает, когда собеседники не один год живут бок о бок и могут обходиться без лишних церемоний. Однако он отвлек Костю от чтения.

Со стороны железной дороги по небу нехотя двигались и легко распадались на части полупрозрачные облака. Бабочка опустилась на освещенный край стола и, разомкнув крылья, беззаботно проводила день в праздности и блаженстве. Глядя на нее, Костя задумался о великом смысле созерцания. А что еще оставалось?

В молодости жизнь встраивала его в свою нескончаемую суету, манила его небесами в алмазах. Как и многие обнадеженные ею, он начинал действовать, а она, ветреница, находила кого-то другого. Вечная история: не нужен талант, нужна наглость, не нужна добросовестность, нужна расторопность, не нужно мужество, нужно очковтирательство. Не нужна решительность, нужна угодливость. Не нужен результат, нужен процесс. Все случилось, ничего не случилось. Все позади. Можно прийти к какому-нибудь безыскусному и честному выводу. «Мы не господа положения, но по положению мы – господа!»

Так он сказал Ивану Францевичу после триумфа либералов и поражения «свинцовых лиц» в октябре девяносто третьего. Так он старался поддержать его перед смертью. Проигранное сражение – не проигранная война. Но это была уже не война Ивана Францевича. Он прожил свой век, как вник, как понимал, как умел: по долгу и по мечте. Хранил свою тайну. Положение обязывало. *La noblesse oblige*. Иностранец, неокон, кукловод, приехавший в Россию в критический период.

Он не мог позволить себе иметь близких. Виталик, его сын, рожденный в России, узнал об отце, когда тот уже умер. Костя познакомил их раньше, но Иван Францевич хранил тайну до последнего часа. Видя, что дни его сочтены, он все же продлил себе жизнь в прямом и переносном смысле, женившись на Лене Яковлевне, женщине красивой, трезвой и энергичной, много лет знавшей и Виталика и Костю и чем-то им как будто обязанной. Впрочем, его мало интересовало ее прошлое: он знал, что люди меняются, и важно, кем и чем человек стал.

Таким образом, он выдвинул на свою жизненную дорогу людей, которые зашагают по ней вместо него. Лену и Виталика. Иван Францевич был слишком умен, лучше сказать – мудр, чтобы говорить о сыне в духе того, что «я его слишком мало знал, мы с ним виделись – всего ничего». Хлебный колос за то и почитают, что он приносит зерно. В этом его изначальный смысл. Это первый и неоспоримый смысл его существования.

Костя не заметил, как встал и принялся ходить взад-вперед. Несмотря на отведенную им самому себе роль созерцателя, он почувствовал что-то вроде ревности: ведь у него детей не было. Родственники были, тот же Артур, например, его крестник. Пусть не кровь, но частичку души он в него вложил. И в Виталика тоже. Наверное, Иван Францевич это чувствовал.

– Вот он, наш шагающий эскалатор! – громко произнес знакомый голос у калитки.

Костя оглянулся и увидел Артура с Людочкой.

– Гостей принимаете? – весело спросила Людочка.

Костя заулыбался и пошел им навстречу. Нет, нельзя сказать, что он одинок.

– Мама здесь? – осведомился у него Артур.

– Здесь, здесь.

Марина приходилась Косте двоюродной сестрой, это лето она проводила у него на даче. Точнее сказать, была вынуждена проводить. Она привыкла ездить в пансионаты и дома отдыха по дешевым профсоюзным путевкам, однако часть домов отдыха позакрывали, часть перешла в частные руки, взвинтились цены. Марина сделала попытку поехать в Турцию, но ей не дали загранпаспорт. Вообще-то она давно уволилась из оборонного предприятия, но начальник ее не уволил и показал себя полным подонком, когда на запрос компетентных органов сообщил, что она – носитель секретной информации, а потому выезжать за границу не может. Однако

время работало на Марину: срок давности истекал, и она, «очищенная» этим сроком, скоро получит полное право на загранпаспорт.

Что это за диво такое – загранпаспорт?! Он родился в стране, живущей за «железным занавесом». Но страна уже четыре года считается свободной. Зачем человеку два паспорта: внутренний и внешний?! Какая больная голова настаивает на сохранении второго паспорта?! Хитро улыбается и потирает руки. Низ-з-зя! Идиотизм и фальшь.

За обедом, само собой, возникла тема Буденновска: Шамиль Басаев, улица Казакова и тот грузовик. Артур кусал губы и подливал себе и Косте водки. Обед растянулся до самого вечера и плавно перешел в ужин. Когда солнце пошло на посадку, поставили чайник и зажгли над столом в саду фонарь. Под фонарем кружились мошки, а яблоневые листья играли роль зеленого абажура. Свет отделил сидящих от остального мира. Мир присел в тени за их спинами и то ли наблюдал за ними, то ли подстерегал – не поймешь.

Марина успела испечь пирог с рыбой, он был теплый и отлично подходил и к водке, и к большой кружке сладкого чая.

Сидели, немного захмелев. Обсуждение Людочкиного избавления закончилось. Никто не чувствовал легкого вечернего похолодания. Артур смотрел на обнявшихся женщин, на мотылька под лампой, на загорелые ввалившиеся щеки Кости, притрагивался к тяжелой кружке с чаем и находился в плену у двух чувств: счастья и тревоги, таких обычных и ходящих парой. Счастье в жизни так хрупко, что невольно вызывает тревогу. Счастье его было маленьким, личным, детским, а снаружи ломилась большая, взрослая тревога: трагедия в Буденновске еще не закончилась. Был штурм, и были переговоры. Было заявление боевиков, и была смерть заложников. Близилась развязка.

– Господи, как страшно жить! – сказала Марина.

– Зато не скучно! – шутливо парировал Артур, адресуя шутку матери, но поймал метнувшийся в его сторону, не обещающий добра взгляд Людочки.

3. Узор завещания

В жизни Виталика происходили невероятные изменения. Всего-то год назад он и предположить не мог, что встанет на новый путь. Во-первых, он, всю жизнь занятый в военной промышленности, полагал, что ему до конца дней суждено ходить по пыльным дорогам родной земли, пока его самого не положат в эту землю. Он знал свою радиолокацию, фазированные антенные решетки, разбирался в лампах бегущей волны, волноводах, фазовращателях и линиях задержки. Всем казалось, что он на своем месте. Ан нет! Вдруг неожиданно он подал заявление, правда без особых надежд, на оформление загранпаспорта. «Это твой долг по отношению к Ивану Францевичу», – писала ему из-за океана Лена. Виталик обрел отца, лишь потеряв его. Потери часто открывают нам глаза. «Как решит судьба, так и поступим», – думал Виталик.

Во-вторых, он чувствовал, что в настоящем течение несет его на отмель, которая называется «женитьба». Обжегшись однажды, он навеки исключил из своих планов данное мероприятие, однако не мог справиться с девичьим напором Екатерины Волковой. Их сблизил события октября девяносто третьего. Кроме романтической реакции на ее почти классическое спасение героическим Виталиком, он виделся ей человеком вполне обязательным, таким, которого будет нетрудно подчинить себе. Последнее очень важно. Женщина должна оценить, станет ли мужчина ходить под ее седлом? Если она и ошибалась в Виталике, то совсем немного. Да, он был человеком покладистым и, если хотел, соглашался на седло, гармонично составлял одно целое с всадницей. Он мог позволить себя объездить, но в душе оставался далеко не смиренным мустангом. Жизнь его гнула, но сломать не могла.

Судьба повернула куда надо. К своему удивлению, Виталик загранпаспорт получил. Бывшее КГБ, а ныне ФСК – Федеральная служба контрразведки, управляемая демократическим руководством, мало того, потеряв своего руководителя после налета на Буденновск, не чувствовала себя в полной уверенности, что является опорой всего на свете, и тоже заразилась бациллой «пофигизма». Таким образом, начальник отдела режима, когда к нему пришел запрос насчет Виталика, думал не о том, как приструнить зарвавшегося радиоинженера, вообразившего себя свободным человеком, а о том, чтобы в духе времени не выглядеть бюрократом.

Как и полагается, был спрошен начальник того подразделения, где работал Виталик. Тот излучал благодушие.

– Пусть парень съездит отдохнуть в Болгарию, – сказал он. – Заслужил.

– Да что мы, звери, что ли?! – сказал начальник отдела режима.

Так Виталик получил заветную паспортину. Начальник подразделения не всуе демонстрировал благодушие. Он-то знал, что как только Виталик получит документ, то сразу же подаст заявление об уходе, а зарплата увольняемого шла в фонд зарплаты оставляемого им подразделения. В условиях, когда почти все работы были свернуты и рабочие руки не требовались, каждое увольнение давало свой гешефт.

Гешефт попутно получили и государство в виде пошлины при выдаче документа, и специальный паспортный отдел милиции в виде зарплаты за непыльную работу, и фабрика Госзнака, печатающая эти паспорта, и Федеральная служба контрразведки, даже она, потому что решать – пускать или не пускать Виталика за пределы страны, куда приятнее, чем пускать или не пускать Шамиля Басаева в Буденновск. Всем сделалось приятно.

Пока Виталик оформлял документы на выезд, Лена, ставшая по воле Ивана Францевича его душеприказчиком, посетила совещание арктических государств в Оттаве. Она, конечно, не входила ни в состав делегации инуитов Канады, ни организации народов Севера России, ни скандинавского совета саамов, нет, она просто была приглашена и наблюдала, как создается модель приоритетности коренного населения на специфических территориях. Нельзя ска-

зять, что положение обязывало ее, скорее давало возможность иметь представление о мировой политике. Она и не собиралась участвовать в построении проекции глобального регионализма, а потому развлекалась, глядя на колоритные стилизованные одежды северных народов, их безбородые лица и блестящие черные волосы.

Лена сама обращала на себя внимание стройностью, великолепными каштановыми волосами без намека на седину, очаровательным английским языком с акцентом, который акустически подчеркивал ее неординарность. Делегаты в расшитых куртках из замши и в пиджаках в комплекте с рубашкой поло из хлопка так и липли к ней. По необходимости она принимала серьезный вид, но если улыбалась, то – как голливудская звезда.

– Предлагаю пропустить доклад, – говорил ей кто-нибудь из делегатов, – этот парень сейчас выйдет на трибуну и еще раз повторит нам тезисы Яна Тинбергена. Мы сто раз их слышали. Я знаю, где подают хороший кофе.

– Вы правы, – соглашалась Лена, которая понятия не имела, кто такой Ян Тинберген. – Хороший кофе гораздо лучше.

Совет арктических стран был благополучно создан в отсутствие Виталика, что никак его не смутило. Он не принадлежал ни к эскимосам, ни к самоедам, ни к якутам или удэгейцам.

Лена торопила Виталика, однако выбраться к ней ему удалось только глубокой осенью. Его ждала доля наследства, которую ему оставил Иван Францевич и которая находилась под присмотром Лены. Что же его ожидало? Небольшой домик в Миссисаге близ Торонто и не слишком большой счет в Ройял банке, впрочем достаточный для вполне сносной жизни без роскоши. Иван Францевич не был мультимиллионером, хотя имел политическое влияние и обладал большой властью и авторитетом. Однако он не хотел, чтобы его сын сильно выделялся, вызывал зависть или раздражал кого-то, – это небезопасно. И если Виталик не имел могущественных врагов, то у его отца они, естественно, были.

Лене досталось куда больше: в первую голову потому, что Иван Францевич успел немного ввести ее в курс его дел и она была основным исполнителем его завещания, затем – она была одинокой и уже немолодой женщиной, но с характером и амбициями, и, наконец, он возлагал на нее некоторые надежды на лоббирование его курса, что требовало абсолютной личной финансовой независимости. Вот почему у нее оказался дом в Монреале, две квартиры в Европе и еще домик на побережье. И не один банк Ройял встречал ее более чем любезной улыбкой.

А в Москве было сыро и холодно. Нищий снег к вечеру покрывался грубой, как наждак, коркой. Тускло светили фонари, с трудом пробивая вечернюю туманную мглу. Старый автомобиль «москвич» какого-то неопределенного салатного цвета стоял в сторонке на тротуаре, зияя черным разбитым окном. Осколки стекла лежали на пассажирском сиденье из кожзаменителя. Никому не было дела до старой машины. Проходя каждый раз мимо, Виталик видел, как меняется ее облик. Разбили заднее стекло, открыли багажник, позже машина на некоторое время замерла в ожидании с не закрытыми дверями. Затем все стремительно покатилося, будто с горы: вырвали руль, сняли сиденья, открыли капот, исчезли колеса, потом тормозные барабаны. Еще несколько дней – и голый скелет, объединенный пираньями, остов кузова, без дверей, без начинки, перевернутый на крышу, лежал на мерзлом асфальте, на том самом месте, где решил пережить зиму этот предмет разработки космических шестидесятых.

Сердце Виталика от этого зрелища обливало слезами. Ничего нельзя исправить, только наблюдать и сожалеть, даже подойти вплотную он не мог: скажут, каков стервятник, креста на нем нет.

Беспомощен и перевернут! Разломать можно, а вот создать...

С Екатериной у Виталика тоже не ладилось. Вечно она иронизировала, противоречила, старалась, чтобы последнее слово оставалось за ней, отводя ему роль тьюфяка, большого и неуклюжего мишки, немного неудачника и мямли. Но Виталик ни капельки не подходил на эту

роль. Он был мастером спорта по биатлону, успешным изобретателем, хорошим инженером, адским водителем. Он мог спеть под гитару «Мурку» и «Вальс-бостон», даже сплясать.

Диссонанс заставлял его испытывать что-то вроде приступов идиосинкразии. Воспоминания, связанные с его не слишком удавшимся детством, запертые в подсознании, вызывали фантомные боли. Нет, нет, ни капельки не похож!

Точная идентификация, а затем понимание – очень важная вещь для мужчины. Екатерина, по молодости, этого еще не усвоила, но с его отъездом примирилась: наследство все-таки.

– Сачок ты, Виталик! – говорила она ему. – Рад-раде-шенек, что избавился от работы.

– Что я, отдыхать, что ли, еду? – оправдывался Виталик. – Не на прогулку. Вообще не знаю, как дело повернется.

– Какое дело? Ты что, и впрямь во все эти тайны веришь?

Виталик пожал плечами. Он и сам толком не знал, насколько таинственны эти тайны, ну, бывали случаи...

Екатерина знала, она все знала:

– Не парься! Тайные общества – это фольклор и сюжет для итальянских фильмов. Знаешь, что Борода говорит?

Бородой звали за глаза, а иногда и в глаза их главного редактора.

– Он говорит, – продолжала Екатерина, – что верят во всякие заговоры только ограниченные люди. Конспирологию создали, чтобы занять обывателя какой-нибудь простой идеей.

Виталик не полез в спор. Хотя он сам некогда время от времени оказывался невольным участником тех или иных событий, то вместе с Костей, то вместе с Леной, а то и с обоими сразу. Событий, которые не казались случайными, и за ними пряталась чья то рука.

– Георгиевич, – решил все-таки мягко возразить Виталик, – Георгиевич сказал бы, что твой Борода либо полный невежда, что весьма сомнительно, либо, и это скорее всего, врет как сивый мерин, чтобы скрыть истинное положение вещей, а может, и сам принадлежит к какому-нибудь тайному собранию.

– Какой Георгиевич?

– Константин Георгиевич, какой же еще!

– Костя? – Екатерина всех звала по имени. – Костя? Хм! Ну, да, он может! Он вырос в таком обществе, где сначала ловили диверсантов, потом агентов фашизма, потом капитализма, сионизма, джазизма, стриптизма, бабизма-ягизма и много всяких «-измов». Света мне рассказывала, – Екатерина говорила о своей матери, – рассказывала поучительную историю из ее детства, как один бдительный мальчик увидел в трамвае рабочего. Рабочий прятал за спиной чистые белые руки, и мальчик сообщил об этом милиционеру. И милиционер задержал подозреваемого рабочего. Он оказался диверсантом. Вот! Ты тоже продукт прошлого. Только и делаешь, что читаешь книжки о приключениях.

– Не только.

– И Костя твой весь в книгах закопался.

– Сейчас много интересного издается.

– Начитанный ты мой Виталик, век книги кончился. И век печатного слова тоже. Кем был раньше журналист? Газетчиком. Посмотри на меня, я – тележурналист. А может, скоро появятся, ну, не знаю... например, компьютерные журналисты.

– Вы не говорите правды.

– И книги не говорят правды. «Все врут календари», – еще Фамусов сказал, так?

– Реклама ваша дурацкая! – наконец нашелся Виталик. – «Ваша киска купила бы виски».

– Чистый радио! Иначе вы не смотрели бы классные фильмы, сериалы и вообще передачи. Но главное – информация. Мы ее добываем, и мы ей торгуем. А информация – источник власти, согласен? Газеты не поспевают за информацией, а тем более книги.

Виталик с горечью вспомнил девяносто третий год. CNN в прямом эфире показывала, как русские убивают русских.

Он сказал об этом Екатерине. Она потупилась. Ее это касалось лично, и она не нашла что сказать.

Екатерину поражало и раздражало то, что Виталик, изобретатель и технократ, обнаруживал склонность к гуманитарному и иррациональному. Например, иногда он будто чувствовал, что произойдет дальше. Чаще по мелочам, которые стирались из памяти. Летом прошлого года он уверенно заявил ей, что будет война с Чеченской Республикой. Они заспорили, она не уступала, а перед Новым годом стало ясно, что наши войска войдут в Грозный. И опять они поспорили. Она доказывала, что все закончится за неделю. «Война на Кавказе не может продолжаться одну неделю, – утверждал Виталик, – война на Кавказе не может продолжаться месяц, год, два, три, война на Кавказе – это война на десятилетия. Радуйтесь, журналисты, у вас есть вечная тема». Правота тоже раздражает, желание реванша в подкорке остается, Виталик это понимал, он был намного старше Екатерины и потому считал ее стремление противоречить в порядке вещей.

А что же Лия, не забытая бывшая жена? С ней он виделся последний раз в конце весны, да и то мельком. Она стала крутой банкиршей. После девяносто третьего года ее дела пошли в гору. Они с Игорем поднялись на обменниках валюты и стали прикупать недвижимость. Ее «мерседес» Е-класса мерцал темно-синей краской, а его владелица утопала сзади на светлом кожаном диване. Она наслаждалась успехом, и Виталик знал, что он ей нужен не больше, чем щучке зонтик.

Итак, пора лететь! Лена выслала ему денег на билет, и, как только он получил в Староконюшенном визу, впереди замаячила сиреневая хмарь Шереметьева и летящие из-под колес плевочки желтого снега на Международном шоссе и лужи перед входом в аэропорт.

Самолет сделал посадку в Шенноне, а через шесть часов вот он – аэропорт Мирабель и большой автобус с огоньками на крыше подъезжает к самолету.

Виталику показалось, что он напугал таможенника наличием двух своих паспортов – обычного и заграничного. Тот их у него и не спрашивал, но Виталик предъявил документы, как и полагается «хомо советикус», усвоившему правило – чем больше документов, тем лучше.

Лена видела, как, входя в зал для встречающих, Виталик принял серьезный вид и зашагал вперед неторопливо, но упруго. Однако только ее внимательный взгляд заметил чуть вытянутую шею и по-детски ищущие глаза. Ей стало жалко Виталика и в то же время тепло и уютно, и она почувствовала себя уверенной и сильной и замахала ему рукой. Он обрадованно ответил ей тем же. Перехватив тяжелую сумку в другую руку, он почти бегом рванулся к ней.

Масштабы всего окружающего завораживали Виталика. Просторы крупнейшего в мире аэропорта. Пространства такие, что люди не мешают друг другу, но и не ощущают затерянности. Где ты, привычная теснота?! Похожий на большого крокодила длинный темно-зеленый автомобиль Лены. Внутри – желтая кожа и тоже просторно. Последняя модель – «Понтиак-Бонневиль», суперчардж с турбированным движком.

Лена вырулила со стоянки. Виталик не знал, куда смотреть: то ли на горящие зеленым огнем приборы «понтиака», то ли на широкую ровную полосу дороги, накрытую дыханьем зимы и обрамленную не небоскребами, а разноцветными одноэтажными строениями. Пятьдесят километров до Монреаля за пятьдесят минут. Нет, за пятьдесят секунд – так показалось Виталику.

Лена поглядывала на него, не досаждая разговором. Она лишь коротко проинформировала, что послезавтра они отправляются на важную встречу, где присутствие их обоих обязательно.

Лена жила в скромном районе недалеко от олимпийского стадиона. Виталик принял душ, и они отправились в ресторан, где его сытно накормили.

На следующее утро за завтраком она сунула ему небольшую, но толстенькую книжицу с рисунками – правила дорожного движения: давай осваивай! После завтрака она села за телефон, а он стал читать правила, удивляясь, что понимает по-английски. Потом они отправились на прогулку, и вот что рассказала ему Лена.

Завтра утром они выезжают на машине в Торонто, в Северный Йорк, где располагается североамериканское отделение ассоциации, которую возглавлял последние годы Иван Францевич. Там они встретятся с нотариусом, который специально прилетит из Европы, чтобы огласить завещание.

– Почему такие сложности? – спросил Виталик.

– Я толком не поняла, – призналась Лена. – Подозреваю, что передача оставшихся документов на имущество – это не самая важная часть мероприятия.

– А важная часть?

– Нечто связанное с деятельностью самой ассоциации. У них свои правила, свои традиции. Завтра узнаем.

Лена выглядела встревоженной. Виталик, продолжая шагать, положил ей руку на плечи.

– Ничего, прорвемся!

Она поежилась:

– Хорошо, что хоть ты у меня теперь есть!

На следующий день Виталик обследовал машину. Просмотрел «мануал» – еще одну цветную толстенькую книжицу. Основную ее часть занимали сведения о безопасности автомобиля: как пристегиваться, как возить детей и тому подобное. Сев за руль, Виталик поначалу нет-нет да и дрыгал левой ногой, ища сцепление. Наконец догадался сунуть левую ногу под сиденье, и все пошло как по маслу. Когда-то его «жигули-шестерка» представлялись ему верхом совершенства, и только сейчас он понял, что такое настоящая машина. Как если бы человека, считающего себя наверху блаженства в отдельной «хрущевской» квартире, вдруг поселили бы в современный пентхаус. Ах, этот гидроусилитель руля! Эта коробка-автомат! Этот момент силы, когда, придавив педаль газа, на разгоне ты вжимаешься спиной в сиденье, как космонавт. Эти уверенные, тигриной мягкости тормоза! Эти кнопки управления, прямо на рулевом колесе! Виталик вздыхал и чувствовал себя на седьмом небе. Ведь мог прожить жизнь и никогда не узнать этого счастья! Только ради этого стоило приезжать сюда!

Дорожный крейсер глотал километр за километром. Вот так бы и ехал всю жизнь! Виталик на практике узнал, что такое круиз-контроль, но куда приятнее самому контролировать это чудо техники. Лена в глубокой задумчивости смотрела на дорогу/

Пристегнувшись ремнями безопасности, они застыли на скорости сто девять километров в час, Виталик в восторге, Лена, погружившись в мысли, как в душистую мыльную пену, и мысли не разбегались, как раньше: присутствие Виталика, верной живой души, было действеннее транквилизатора.

Дорогу перебегала поземка, в стекло летели редкие, заблудившиеся снежинки. Холодный асфальт отгалкивал их, ветер, хмураясь и беззлобно ругаясь, смахивал их в сторону, в бурьян, в перелески, на обнаженную каменную породу. И еще! Виталик никогда не ездил по такой широкой, гладкой и красивой дороге. Вначале он беспокоился, что они не взяли с собой канистру с бензином, и с тревогой посматривал на указатель уровня топлива. Но заправки попадались регулярно. Они остановились на одной, выпили кофе, и Виталик, ненадолго разлученный с автомобилем, успокоился только тогда, когда опять сел в его кожаное кресло.

По бокам дороги пролетали, скалясь в улыбке, красноватые скалы, убежали в матовую синеву осененные юным снегом хвойные деревья, мелькали скинувшие свои летние рубашки березы.

Пять часов на асфальте блаженства. Пять часов, и замелькали вагоны на железной дороге слева, стало больше машин и домов. Они подъезжали к Торонто.

Номер в «Четырех сезонах», душ, перекус – все это Виталик принял как должное. Обладание такой машиной сделало свое дело: Виталик быстро освоился в новой жизни.

– Бонневиль, почему Бонневиль? – захмелев от машины, приставал он к Лене.

Лена смотрела на него, не зная, радоваться ей или сердиться: не тот момент, чтобы витать в облаках.

– Как мне сказали, это такое высохшее соляное озеро.

– А! Вспомнил! Там устанавливают рекорды на скорость. Ну конечно! Это же священное место для автомобилиста!

– Слушай, Виталик, если ты не соберешься, я отберу у тебя эту игрушку, понял? Мы с тобой не в том положении, чтобы рассупониваться.

За долгую дорогу Лена успела осмыслить и изложить Виталику свое видение проблемы. На вакансию Ивана Францевича, по ее словам, должны претендовать три кандидата, это – и ответственность, и власть сверх всякой меры. От Лены, как выразителя его воли, похоже, зависит, кто будет избран на это место.

– Я так понимаю, – делилась соображениями Лена, – что здесь наименее опасная территория для такого рода дел. В Европе или Штатах нас в лучшем случае не выпускали бы из поля зрения.

– А в худшем?

– Охотились бы. Хоть и есть старое правило: женщины и дети неприкосновенны, однако кто его нынче соблюдает? Здесь же, как мне кажется, территория нейтралитета, нечто вроде курортной зоны. Здесь можно чувствовать себя свободно. Но расслабляться все равно полностью нельзя. Вполне вероятно, не успеем мы поселиться в гостинице, как наш телефон будет поставлен на «прослушку», а портье станет докладывать о каждом нашем движении.

На этих ее словах Виталик плавно и уверенно обошел на «овердрайве» неожиданно притормозивший «форд-эксплорер».

– Опасность там, где ее меньше всего ожидаешь, – сказал он.

В Северном Йорке стояло вполне современное и ничем не примечательное здание. Пройдешь – не заметишь. На парковке с тыльной стороны дома – десятка полтора далеко не новых машине. У некоторых на багажнике были наклеены синие эмблемы с изображением циркуля и наугольника.

Лена с Виталиком прошли мимо главного входа в дальнюю дверь, им прицепили на грудь пластиковые карточки – бейджики с большими синими буквами «VIP». Далее последовали лестница, коридор, дубовая дверь и идущий им навстречу нотариус в костюме с галстуком. Виталик, тоже в костюме с галстуком, подождал, когда сядет Лена, нотариус подождал, когда сядет Виталик.

Нотариус говорил на правильном английском языке, поэтому Виталик понимал отдельные слова, но плохо понимал суть. Советского инженера учили читать по-английски, немного писать, но ни говорить, ни слушать его не учили. С кем говорить и кого слушать? Контакты с иностранцами были запрещены, о всяком случайном контакте следовало доложить в отдел режима. Иностранное радио глушилось. Студенты и аспиранты, главным образом, сдавали чтение текста, сдал необходимое число тысяч печатных знаков – получай зачет. Читать зарубежные журналы – это надо для работы, а вот болтать, знаете ли, – не надо.

Когда Виталик от нотариуса получил документы, он почувствовал себя увереннее, здесь был текст. Переговоры вела Лена. После того как документы на имущество были переданы, приступили к главному.

– Засим, – сказал нотариус, приняв важный вид и оглядывая свою маленькую аудиторию (для этого случая в качестве свидетелей пригласили двух дежурных сотрудников в униформе то ли супервайзера, то ли охранника), – согласно воле покойного, вам, – и он посмотрел сначала на Виталика, потом на Лену, – предстоит произвести назначение его преемника, опять

же строго по воле покойного. Обратите внимание, – он взглянул на свидетелей, – я вскрываю запечатанный конверт и передаю документ душеприказчикам.

Нотариус вскрыл конверт и прочел бумагу. Он перечел ее два раза, брови его дрогнули, но он сдержал себя, лишь поджал губы. Гербовая бумага перешла в руки Лены. Она прочла, с усмешкой покачала головой и передала документ Виталику. Виталик поморгал, он плохо понял, что прочел. Подошли свидетели и тоже взглянули на бумагу, впрочем никак не выразив своего отношения к содержанию: один смущенно покашлял в кулак, другой бросил взгляд на нотариуса и сел на свой стул.

Нотариус, убедившись, что все ознакомились с документом, тоже откашлялся.

– Как видите, из документа прямо не следует, кто будет преемником, – заключил он. – Завтра утром в присутствии этих господ, – кивок в сторону свидетелей, – а также названных здесь кандидатов вы предъявите этот документ и, после того как я и эти господа удостоверят его подлинность, назовете имя преемника.

Лена скривила губы. Нотариус поднялся.

– Прошу вас, господа. Завтра ровно в одиннадцать в этом кабинете. Всем ли все понятно? Тогда до завтра.

Свидетели вышли. Лена, вернув бумагу в конверт, положила ее в сумочку. Нотариус протянул ей сопроводительное письмо. В нем говорилось, что Лена, не вступая в ассоциацию, наделяется правами товарища старшего надзирателя. Виталик по желанию может вступить в членство, но может и не вступать, в любом случае он получает права ее помощника.

– А если?.. – начала Лена.

– Что, мэм? – спросил нотариус.

– Я подумала, а если я не смогу... мы не сможем сделать верный выбор преемника?

– Как это?

– Вы же сами сказали, что здесь нет прямого вердикта. Вы уверены, что есть одно-единственное решение?

– Простите, мэм, но завещатель дал, по его мнению, точные указания. Раз он дал такие указания, значит, он был уверен, что вы сделаете верные выводы. Я не могу обсуждать право завещателя выбирать форму завещания. По-видимому, у него были на это свои причины. Насколько я понимаю – такова традиция. Могу лишь пожелать вам удачи.

– О'кей! – тряхнула головой Лена и посмотрела на Виталика.

Тот силился понять, о чем они говорят. Последнее восклицание Лены он точно понял.

– Увидимся, – пропела она нотариусу и повернулась к двери.

Нотариус вышел их проводить.

Виталик тронул машину со стоянки, оглядываясь. Они выехали на улицу, идущую с юга на север. За ними никто не последовал, все припаркованные машины остались на месте.

– Сверни сюда, – сказала Лена.

Он свернул, проехал немного и остановился. Вокруг, как в кукольном театре, стояли сказочные домики, украшенные к Рождеству россыпями огоньков.

Лена достала конверт и еще раз перечитала то, что он содержал.

– Читай, – она протянула бумагу Виталику.

Вот что написал Иван Францевич в той бумаге.

While evaluation the candidacy of the three members of the council, who are known as Caspar Aquila, Pierre Charron and Girolamo Savonarola for a position of the chair, I concluded the following.

Let us assume, that prior to making a decision I was ask each one of them, who is the most deserving of the three?

He, who has ears to hear, let him hear.

The First – Aquila, stated “the chair has to be awarded to the second, Charron”.

The Second – Charron, stated “the chair has to be awarded to the third, Savonarola.

The Third – Savonarola, stated “the chair has to be awarded to me – Savonarola.

After I listened to them, I said: “I agree with opinion of only one; his opinion coincides with my decision. Such is my will”.

(Выбирая председателя из трех членов Совета, которые известны под именами Каспар Аквила, Пьер Шаррон и Иеремия Савонарола, я пришел к следующему выводу.

Предположим, что, прежде чем найти решение, я спросил бы каждого из них, кто достоин стать председателем?

Имеющий уши, да услышит.

Первый, Аквила, сказал: «Председателем должен стать второй, Шаррон».

Второй, Шаррон, сказал: «Председателем должен стать третий, Савонарола».

Третий, Савонарола, сказал: «Председателем должен стать я, Савонарола».

Выслушав их, я говорю: «Я согласен с мнением только одного из них, и его мнение совпадает с моим решением. Такова моя воля». – Пер. с англ.)

4. Корпорация избранных

Тем же вечером нотариус ужинал в ресторане с одним джентльменом. Разговор шел о погоде, о предстоящем Рождестве, о ценах на бензин, короче, светский разговор, изысканный и пресный по причине отсутствия интереса к теме беседы.

Когда подали кофе, собеседник нотариуса спросил, когда тот возвращается в Европу? Нотариус ответил, что завтра он заканчивает дела и надеется вечером сесть в самолет. Собеседник выразил надежду на то, что нотариус не настолько будет обременен предстоящими делами, чтобы отказаться от приглашения на ланч.

– Зная вас, – предположил он, – я полагаю, что в целом ваша миссия для вас абсолютно транспарентна, вами раскрыта и практически завершена.

В сдержанном кивке нотариуса одновременно проявились и уклончивость и самодовольство. Они настолько не сочетались друг с другом, что собеседник не удержался от улыбки.

– Я бы дорого дал, – сказал он, – чтобы узнать, что вы сейчас подумали? Насколько непередаваемо было выражение вашего лица. Жаль, что я не художник!

Нотариус, который в это время подумал, не пахнут ли его руки рыбой, тоже улыбнулся.

– Я подумал, что по прилете надо озаботиться покупкой рождественского карпа.

– Кстати, о карпе, – оживился собеседник, – у меня есть знакомый, большой любитель рыбалки. Он – корреспондент одной крупной газеты, поэтому он – еще и рыболов в сфере новостей. Так вот, он уполномочен выложить очень крупную сумму за какую-нибудь важную новость. Наличными.

Нотариус, как бы невзначай, поднес одну руку к носу.

– Ох уж эти корреспонденты!

– Уверяю вас. Помнится, в прошлом году он очень хорошо заплатил за сведения об ордене Храма Солнца, там произошло массовое самоубийство или убийство. Возможно, вы слышали об этой истории. Кажется, у вас в Швейцарии тоже есть отделения этого ордена.

На этот раз кивок нотариуса был не менее выразителен, однако встречен без улыбки. Собеседник весь подобрался и задал действительно интересующий его вопрос.

– В связи с орденом мне пришла в голову одна мысль. Кажется, на данный момент вы тоже можете стать ньюсмейкером. Я слышал, вы здесь для того, чтобы установить, кто будет главой известной нам обоим корпорации, не так ли? Сегодня эта новость стоит очень дорого. Завтра она не будет стоить ни цента. Вы меня понимаете?

Нотариус поднес вторую руку к носу.

– Большие деньги, – добавил собеседник.

Нотариус покачал головой, лицо его сделалось профессионально непроницаемым. Руки рыбой не пахли. Подумав, он смягчился.

– Послушайте, – сказал он, – я вас прекрасно понимаю. Но... я знаю не многим больше вашего. Ведь там с незапамятных времен все шифруется и кодируется. Ничто не говорится просто и прямо, без намеков, загадок, аллюзий и метафор. И в итоге выливается в головолмку. Даже если бы кто-то на моем месте и захотел бы что-то узнать, он должен быть Эйнштейном или экстрасенсом.

– Так я и думал! – сокрушенно сказал собеседник.

– Вот видите!

И беседа снова вошла в нейтральные воды.

А через час, оставив нотариуса, этот джентльмен имел встречу в хорошем номере отличной гостиницы с другим джентльменом – пожилым итальянцем, сохранившим остатки военной выправки. Итальянец вышел в рубашке и домашних туфлях.

– Ну, что?

- Никакой полезной информации.
- Даже за деньги?
- Даже за деньги нельзя открыть то, чего не знаешь.
- То есть?
- Завещание зашифровано.
- Я так и знал!
- Кто бы мог сомневаться!
- Папаша Миллер, хитрый лис, все предусмотрел.
- Само собой!
- Ладно! Кто может, пусть сделает больше! Ужинать будешь?
- Я только что поужинал с нотариусом.
- Ах да!
- Что теперь?
- Что теперь? Посмотрим, может, вдова и сын Миллера как-то проявятся.
- А если не проявятся?
- Значит – не судьба! Завтра все узнаем.
- До свидания.
- Чао!

Пожилой отставник был спокоен и вальяжен. От прошлого остался холодный профессионализм и привычка к действию, но в целом все тонет в равнодушии, индифферентности. Все проходит.... Ну, выберут его Великим Хизром, ну, не выберут. Все равно время смоем и это. Если выберут, ненадолго появится интерес к жизни. Он знает, что ненадолго, точно знает. Хорошо, есть такая штука – экстраполяция. Заглянешь вперед и успокоишься. Позади – много всякого, хорошего и плохого. Дело не в том, кем жил, а как. Жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо так, чтобы было неловко рассказать, но приятно вспомнить.

За окном сиял в ожидании праздника город. Снежинки кружились, не касаясь асфальта. Из темной комнаты с высоты, как на четкой фотографии, удачно смотрелась композиция из освещенных розоватых небоскребов, ярких витрин, разноцветных вывесок, реклам, белых и красных автомобильных светлячков.

Отставной генерал корпуса карабинеров, бывший полковник контрразведки Спецьяле отошел от окна. Он привык скрываться в тени. Нет нужды всем знать полковника Спецьяле, а сдавшего дела – тем более. Только избранные, посвященные знали его псевдоним, данный ему в честь знаменитого средневекового монаха и просветителя Иеремии Савонаролы.

Между тем вдова и сын Ивана Францевича Миллера, которых мы оставили на улочке среди домиков-игрушек, пытались разгадать зашифрованное послание. Лена, как могла, перевела его Виталику.

- Ну, и что он имел в виду? – спросил Виталик.
- А я знаю?
- Но ведь ты должна принять решение.
- Мы должны принять решение, Виталик, *мы*. Таково условие завещания.
- Все равно, ты его лучше знала, тебе и карты в руки.
- А ты зачем у меня? Для мебели?

Виталик замолчал и стал смотреть вдаль, стараясь сосредоточиться. Больше всего ему хотелось завести этот восхитительный двигатель и ракетой рвануть вперед. Лена в задумчивости смотрела на его руки, которые любовно поглаживали руль. Нет, это невыносимо! В отличие от мужчины, женщина возьмется за дело в последнюю очередь, сперва она попросит помощи. Мужчина помощи ни за что просить не станет. Но ее мысли, похоже, угадал Виталик. Их глаза загорелись и встретились. Оказывается, эти двое способны были понимать друг друга без слов.

- Мне кажется, я знаю, что делать. Только не говори, что это ты придумал, – сказала Лена.

- А что тут думать?! Просто я не знал, что это можно сделать.
- Будешь знать, деревня! Заводи!

Просить дважды Виталика не пришлось. Через пять минут они остановились у ближайшей плазы, и Лена направилась к телефону-автомату. Виталик, сканируя глазами пространство, шел за ней.

Позвонить из автомата в Москву оказалось парой пустяков.

Костя был дома. Лена облегченно вздохнула, когда он взял трубку.

- Ты откуда? – спросил Костя.
- Да все оттуда же!
- А слышно лучше, чем из Москвы.
- У нас тут балалаек не делают.
- Что-то случилось?
- Пока нет. Но может. Если ты не поможешь.
- А где Виталик?

– Да здесь он, здесь! С ним все в порядке, не считая того, что он влюбился в мою машину. Нам, Костя, требуется интеллектуальная поддержка. Хорошо, что ты оказался дома.

- Еще бы! У нас ночь, между прочим.
- А! Я тебя разбудила? Тем лучше! В том смысле, что иначе можно было тебя не застать.
- Так что там у вас?
- Короче, слушай. Завтра утром я, вернее, мы должны выбрать кого-то на место Ивана.

Это такая история, я тебе потом расскажу. Короче, Иван дал указания, но они сформулированы в виде какого-то ребуса. Такого ребуса, который мы с Виталиком будем разгадывать долго и упорно и можем вообще не разгадать. Ты понял?

Костя окончательно проснулся.

- Да, я понял. Диктуй.
- Записывай, – Лена прочла ему текст на английском языке. – Тебе перевод нужен?
- Подожди!

Костя замолчал, видно, перечитывал текст.

- Так, понятно! – бормотал он.

– Костя.

– Да.

– Что тебе там понятно?

– Имена – псевдонимы. По-моему, это в традициях иллюминатов.

– Костя, ты мне скажи, кого выбрать?

– Надо подумать. Давай так: ты мне через полчаса перезвони. Я попробую все сделать.

– Ты уверен?

– Ну, если за полчаса не удастся, то завтра ты точно получишь решение. Будь спокойна.

Еще что-нибудь? Вы там осторожнее! За вами не следят? Дело серьезное.

– Виталик очень внимательно смотрит.

– Хорошо. Все! Время пошло! Жду твоего звонка через полчаса.

Виталик, пряча голову в воротник, встретил Лену вопросительным взглядом.

– Ну, как?

– Все о'кей! Перезвоню через полчаса. Пойдем пока выпьем кофе в Тим Хортоне. Ты такого еще не пил.

Виталик в очередной раз позавидовал Лениному оптимизму.

Костя же сел за стол и постарался как можно точнее перевести текст на русский. Это заняло у него минут десять. Перечел его раз, другой, обреченно вздохнул и позвонил Артуру.

Артур спал чутко.

– Постой, постой, – сказал он, когда Костя зачитал ему свой перевод, – как там написано: «я согласен с одним из них» или «я согласен только с одним из них»?

– Пожалуй, так: «я согласен с мнением только одного из них».

– Ага, это значит, что с мнениями остальных он не согласен.

– Получается так.

– Все ясно! Тогда эта задачка имеет одно решение.

– Какое?

– Председателем должен стать второй.

– Второй? Шаррон?

– Да.

– Слушай, Артур, у меня ночью голова плохо соображает. Поделись по-быстрому, чтобы я мог им объяснить.

– Все просто! Первый быть председателем не может, потому что на него никто не указал, тогда с чем соглашаться-то? Если бы был третий, то тот, кто выбирает, должен согласиться с ним самим и со вторым, который тоже показал на третьего. В этом случае выбирающий согласился бы с мнением сразу двоих, а он сказал, что согласен с мнением только одного. Остается второй. В таком варианте выбирающий согласен с мнением только одного – первого и не согласен с мнением оставшихся. Финиш.

Костя записал.

Артур вернулся в кровать. Людочка так и не проснулась. Артур лежал на спине и смотрел в потолок. Ночное небо прояснилось, на полу с удобством разлегся лунный свет. Таким образом, комната была освещена снизу, даже потолку досталось немного света. Артур вспомнил далекое лето на Костиной даче: он лежит, закрыв глаза, и слушает, как полуночничают, хихикая в темноте, Людочка и Лена, позвякивает рукомойник, доделываются какие-то последние дела, заканчиваются приготовления ко сну. Он засыпает и видит во сне белые колени Лены, они прохладные, он прижимается к ним лицом, кожа у Лены нежная, особенно она нежная изнутри бедра.

– Нет, – говорит он голосом трагика, – нет! Мне честь дороже страсти!

От звука собственного голоса Артур проснулся. Лунный свет на полу спрятался под пушистое одеяло из облаков. В комнате темно.

– Чего ты говоришь? – бормочет Людочка.

– Спи, спи, – гладит ее Артур.

Людочка и не думает просыпаться. Нет сил ни поднять руку, ни поднять веки.

– Мой милый, хороший, – шепчет она во сне, – купить тебе галоши?

Артур слушает ее ровное дыхание и думает о том, как там Лена за океаном в новой роли. Пятидесятилетняя королева красоты, будто навечно обрученная с приключениями. Ее ангел-хранитель только успевает поворачиваться. Сейчас он послал ей Виталика. Ну, что ж! Виталик – не лыком шит. Не слишком чуток? Неправда! Визионер, у него интуиция. Медвежковат? Ну, знаете ли, медведь – быстрый и ловкий хищник, славен тем, что предвидеть его действия невозможно.

А Лена? Куница! Пропал медвежонок! Интересно, успела она уже затащить его на свои шелковые простыни? Артур покосился на Людочку и, немного поколебавшись, разрешил себе немного позавидовать Виталику. Нет, не потому, что он с Леной, нет. А потому, что Виталик где-то далеко, в Новом Свете участвует в тайных интригах, распутывает загадки, кругом агенты, небоскребы и элегантные машины, а рядом красивая женщина. А он, Артур, чем занят?! Спит как сурок! И ничего в его жизни не происходит. Нет у него ни машины, ни денег, ни приключений, ни тайн, ни интриг. Женщина? Женщина есть. Тоже спит как сурок... как сурчиха. И никаким агентам он не нужен. И вообще...

Артур лежал еще немного на спине с закрытыми глазами. Ну и что?! Мушкетеры двадцать лет никому не были нужны, а потом понадобились! Не жалеть себя! Не жалеть! Быть готовым! А если?.. А! Плевать на все! Он повернулся на бок, может, так удастся поскорее уснуть.

Тем временем Лена и Виталик опять позвонили Косте и получили наконец ответ задачки. Виталик продолжал осматриваться вокруг, он зачем-то заглянул под машину, ничего не увидел, поднял капот, закрыл, вздохнул и, счастливый, нырнул в салон. Лена, переживая триумф, ждала, когда они поедут, ноздри ее раздувались, глаза сверкали в темноте. Львица, попирающая свою добычу. Иван Францевич знал, на кого положиться. Крейсер, управляемый капитаном Виталиком, плавно описал две дуги и выехал на дорогу.

Они заказали ужин в номер, и Лена, упоенная победой, заставила Виталика вернуться в их молодость, в вешние года, туда, где они, не задумываясь, устремлялись друг к другу, без вопросов, без ответов, без сложностей и взаимных упреков, обычно сопровождающих глубокие чувства, без тревог, сомнений, ревности, упрямства, упиваясь честным, и потому чистым, притяжением молодых тел, желанием слиться в одно единое тело.

Смущенная и радостная улыбка Виталика была ответом на вызов прекрасной мачехи, назначенной ему то ли Провидением, то ли Судьбою, когда она протянула под столом ногу в чулке и положила ее ему на стул. Ступня излучала тепло, и Виталик погладил ее рукой. Лена опустила ресницы. Они оба старались сохранить равновесие. Торопливость убивает самое ценное – возможность насладиться моментом.

Как ни в чем не бывало завершился ритуал ужина, поговорили о пустяках, вечер не отличался от предыдущих. Не отличался за исключением финала: участники не разошлись по своим комнатам. Освободившись от одежды, они присели на кровать. Простое, будничное действие перенесло их в прошлое, где на зимних тротуарах чернели раскатанные ледяные дорожки и прозрачный воздух февраля освежал пустые вечерние, наспех убранные улицы Москвы. По ним Лена и Виталик шли с тренировки, останавливаясь в неосвещенных местах для поцелуя. Губы так красноречивы, когда молчат!

Лена, Лена! Совсем юной она вышла замуж и стала просто Ивановой. Ее муж написал брошюру, маленькую, неосторожную, опрометчивую, не против властей, наоборот, актуальную в тот период начавшейся на Ближнем Востоке войны. Он вышел без прикрытия на противника, который шутить не привык, и вскоре его нашли в петле. Лена легкомысленно решила выяснить, что же плохого он сделал, и ей предстояло тоже – как бы случайно, выпасть из окна. Но противник уготовил ей иную участь. К ней пришли люди, представились и убедительно попросили работать по их плану. Они были частью безжалостной машины. Пример мужа не позволял в этом сомневаться.

Виталик познакомился с ней, когда она, по их наущению, сошлась с уверенно шагающим по карьерной лестнице человеком. Его следовало остановить. В результате и его тело вынули из петли. Лена держалась из последних сил. Виталик познакомил ее с Костей, и тот протянул ей свою крепкую, будто выкованную из космического металла, руку. Вместе они выиграли время, Лена вырвалась из пут, а события, как крутые морские волны, стерли многие человеческие творения, планы, да и самих людей тоже. Она стала сильнее, но былое не травмировало в ней женщину.

Наутро Лена и Виталик, вновь повесив на грудь бейджики, проследовали в комнату за дубовой дверью. Их познакомили с тремя мужчинами – претендентами на место Ивана Францевича. Нотариус и два свидетеля сначала убедились в подлинности вчерашнего документа. Затем нотариус зачитал завещание, и Лена объявила решение: Пьер Шаррон. Последовала минутная пауза, но возражать никто не стал и объяснений никто не потребовал. Принесли шампанское (Виталик его только пригубил). Все понимали значение момента, даже приглашенные свидетели, не зря же они служили в этом храме шотландского обряда, они еще не

знали, кто есть кто, по лицам избранников невозможно было догадаться, кого из них осчастливили высоким стулом. Присутствующие подписали какие-то бумаги, еще раз приложились к шампанскому и разошлись. Известие понеслось по коридорам здания, по проводам в Европу и Америку, проникло в узкий круг посвященных, заставило напрячься спецслужбы, ибо им еще предстояло выяснить, кто скрывается под именем друга Мишеля Монтеня, французского поэта Шаррона. Это имя – лишь псевдоним избранного.

Но до этого, под шампанское, когда вышли свидетели, Пьер Шаррон, или как там его, своим решением повысил Лену до старшего надзирателя. Ей предстояло получить соответствующие регалии, выдержки из устава, где были указаны ее права и обязанности. Всего ей знать не полагалось, так как формально она не вступала в организацию. «Ты стала кем-то вроде почетного академика», – сказал ей Виталик. Ему полагалось знать еще меньше.

Виталик доверял Косте, а Костя его заклинал ни в коем случае не вступать ни в какие организации. В итоге Виталик тоже остался за штатом, хотя и получил некоторые права. Обязанности его, собственно, заключались в помощи Лене, что он и так исправно исполнял бы независимо от своего членства. Единственно, на что он согласился, – это носить часы на правой руке, а также усвоить некоторые знаки, по которым члены ассоциации могли узнавать друг друга. Тайные знаки применялись в случае острой необходимости, например при угрозе здоровью, жизни или свободе, ну и конечно, в связи с угрозой срыва выполняемой миссии или хода операции.

Солнце ярко освещало парковку машин. Оно отражалось от их капотов, крыш и стекол. Солнца – вот чего не хватало последнее время! Теперь это стало ясно. С Лениных плеч свалились тонны груза. Она велела Виталику ехать прямо в ресторан.

Тем же вечером отставной генерал Спецьяле, он же – Джироламо Савонарола, вылетел домой. Рождество надо встречать дома. Хотя семьей он так и не обзавелся. Здесь нечем гордиться. Когда-то семью заменяли агенты. Аген-тессы? Да. Стефания... Теперь эта суперподпольщица, «суперкладестини» – ухоженная женщина, член Европейского парламента. Скажи кому-нибудь, что в молодости она в джинсах и кожаной куртке носилась на мотоцикле, чуть не попала в полицию, когда искали Альдо Моро, сочтут тебя сумасшедшим стариком. А то утро в Милане? Утро перед покушением на премьера Мариано Румора. Летящие занавески в их номере, и она – в чем мать родила, встала пораньше, чтобы успеть забежать к Бертолле, а потом вернуться и позавтракать вдвоем с ним, со Спецьяле в маленьком кафе на площади. Не поверят! Строгий костюм, украшения от Тиффани. Но он-то видит. Видит, как она снимает очки, которые носит для солидности, садится в свой «ягуар» и рвет с места так, что машина приседает на задние колеса.

Кем же они были на самом деле? Он – генерал? Генералом Спецьяле стал, когда в корпусе карабинеров создали подразделение «красных беретов» GIS – «Группо Динтер-венто Спецьяле». Она – политический деятель? Она им стала после того, как отцвели осенними цветами «Бригате Россе» – «Красные бригады». Так? Ничуть не бывало, как любил говорить папаша Миллер. В век париков, шпак и кринолинов их называли бы авантюристами. Как Джузеппе Бальзамо и Лоренца Феличиане. Спецьяле и Стефания устроили все как хотели и вышли сухими из воды. Их почитали и награждали. Почитают и награждают. Выдвигают и выбирают. Они поменялись ролями: он ушел в тень, она вышла из нее. Но у него, как и тогда, власти больше.

Да, его сегодня не выбрали. Не так уж и плохо. Амбиции до добра не доводят. Амбиции множат врагов. Скромнее надо быть, скромнее. Но, чтобы выдвинуться, надо быть общительным, приятным в общении. Вот два условия, редко уживающиеся в одном человеке.

Если говорить о сегодняшнем событии, о выборе на место папаша Миллера, самое лучшее – быть всегда вторым. Вот высшее мастерство! А первым? Первых – их много! Их забывают, их проклинают, спорно или недобро хвалят. Первый всегда подставляется. Быть вечным вторым – вот достойная цель!

В конечном счете, все умирают. Никто не знает, когда умрет, зато все горазды обещать светлое будущее. Ришелье не говорил «я сделаю», Ришелье говорил «я сделал».

Спецыале пошел дальше Ришелье, он даже «я сделал» никогда не говорил. Пусть все идет будто само собой, а я вроде как в сторонке.

Он посмотрел в иллюминатор. Внизу, далеко, в десяти километрах, ревел океан. В салоне первого класса было тихо и просторно. В теплой дымке скользили стюардессы, красивые, как летние дни. Гм! Вдова папаши Миллера тоже красивая. Раз-два – и разбила его надежды стать первым. И правильно сделала, вторым быть лучше. Услышать вердикт из красивых губ приятнее, чем из сухой щели нотариуса. Нет, нотариус никогда бы и не догадался, на ком остановил свой выбор Миллер. Красива и умна. И пасынок ее, видно, тоже далеко не дурак. Скромн, молчалив, внимателен, как умный пес. Взглядом напоминает отца. Высок, крепок, спортивен. Красив...

Гм! Странные они, эти русские! Каждый по отдельности – пример для подражания. Ну, бывают, конечно, будто укушенные бешеной собакой, у кого их не бывает. И все-таки преимущественно – первый сорт. Но как только соберутся вместе в своей холодной стране – натуральное стадо баранов, и впереди обязательно баран. Бе-е-е! Откуда-то возникают и криворукость и лень. Неудивительно: там так мало солнца. Вот уж где строят планы на светлое будущее, сплошные протоколы о намерениях, одни за другим, да еще один глупее другого. И ведь никто никогда не спросит и никогда не получит ответа на вопрос «а что, собственно, ты сделал?». Никто ни за что не отвечает, никому ничего не надо. У нас вон Муссолини ответил, да еще как ответил. Спецыале тогда мальчишкой был, он шнырял в ликующей и яростной толпе на пьядца Лорето и помнит, как притихла толпа, и он притих, когда увидел поднятые над площадью тела дуче и Клары Петаччи. Они были подвешены за ноги.

А ведь это на примере русских Курцио Малапарте показал Муссолини, как надо организовывать государственный переворот. Они устроили его в конце войны, той – первой. И царя убили и всю его семью тоже. Все ответили разом и за все, причем в том числе и невинные. А потом те, кто неистовал, тоже ответили, а с ними заодно, как водится, тоже невинные. Но все равно, те, кто на виду, ответили первыми. Таков закон. Так что не надо быть на виду. Лучше – на вторых ролях.

Спецыале скривил губы и посмотрел вниз. Внизу над темной бездной клочками повисли белесые облака.

В это время в Италии разгорался скандал в связи с коррупцией в армейском руководстве и расхищением армейского имущества. К ответу призвали пять тысяч генералов и офицеров.

5. Единожды солгав

На выборах в Государственную думу Российской Федерации верх взяли коммунисты. Через несколько месяцев выборы президента. Начало нового, 1996 года встревожило власть, если бы выборы были сейчас, президент Ельцин набрал бы всего шесть процентов голосов. Либеральное общество под угрозой. Демократия в опасности, надо срочно принимать меры, все средства хороши. Убей демократию, и ты ее спасешь.

У Ельцина – сердце, президент совсем плох. Рейтинг ниже плинтуса, а на носу интенсивная избирательная компания. Генерал-телохранитель предлагает отменить выборы. Президент не выдержит. Мало того что не выдержит, еще и проиграет. И пойдут все лесом, длинной вереницей в направлении лесоповала.

– Э – нет! – говорят вдруг отвердевшим голосом мягкотелые демократы. – Победа или... или... или никаких или!

Избирательную кампанию возглавляет железный, выкрашенный свинцовым суриком, Чубайс. Ельцин, накачанный химией, отплясывает перед избирателями, демонстрируя железное здоровье. Средства массовой информации бросаются в бой за Ельцина против победительных коммунистов. Давайте, давайте, а то скоро и на ваш роток накинута платок. Что? Все патриоты за коммунистов? Уже не все! Часть за товарища генерала, за генерала Лебеда. Патриотический Конгресс русских общин (Скоков, Лебедь, Глазьев) отказался от сотрудничества с коммунистами.

Лебедь – оратор с мощным армейским басом. Он с ухмылкой сыплет в толпу афоризмы: «Генерал-демократ – это все равно что еврей-оленеводец». Ну и что? Он же еще не знал, что Роман Абрамович станет губернатором Чуколки.

Коммунисты – проблема. Еще одна проблема – война в Чечне. 22 апреля не стало Джохара Дудаева. Чеченские вооруженные формирования под командованием Аслана Масхадова не слишком смутились после гибели своего первого президента. А Ельцину надо с войной в Чечне кончать. Любым способом, иначе избиратель ему ее припомнит. Волнуются министр обороны Грачев, начальник охраны президента Коржаков, руководитель ФСБ Барсуков, так называемые силовики, да еще отвечающий за военную промышленность Сосковец. Они не демократы, они – патриоты. Но не будет Ельцина, и их ветром сдует. А он еще и слаб здоровьем.

– Вперед, на выборы! – зовет Чубайс. – Он выдержит!

А не выдержит, придет премьер Черномырдин, сбросит силовиков, а Чубайс и демократы все равно останутся.

Обе силы борются за влияние на Ельцина. Национал-патриоты против либерал-демократов. Кто правый, кто левый – не разберешь. Все клянутся в любви к Отечеству, Конституции и Народу. Народ башкой крутит: налево – направо, направо – налево. Умный Березовский тоже головой вертит, только глаза внимательно смотрят слева – направо и справа – налево. Клянутся, а интерес материальный. Вот оно – кольцо власти: власть конвертируется в деньги, а деньги конвертируются во власть.

Обе силы против коммунистов. Только избиратели «за». Малоимущие, потерявшие работу, работники, не получающие месяцами зарплату, пенсионеры, солдаты, уезжающие в Чечню, их отцы и матери.

Косте позвонили из избирательного штаба Лебеда и пригласили переговорить. Дело в том, что Костя успел тиснуть пару статей в «Вечернем клубе». Протекцию в газете ему составил его приятель, демократ из демократов, раньше он преподавал историю партии в высшей школе КГБ. Видимо, лебедевские штабисты читали прессу, и им понравились некоторые высказывания Кости. Они предложили ему поработать в штабе, придумывая для Лебеда чеканные фразы и афоризмы. Костя отказался.

Он получил приглашение от Лены и уже успел оформить документы на вылет за рубеж. Через две недели состоялся его рейс.

Костя в первый раз выехал за границу. Самолет доставил его в Монреаль. Он сразу же заметил часы на правой руке Виталика. Виталик успокоил его: ни в какую лигу он не вступал, часы – это знак, что у него есть кое-какие права, а обязанности... обязанности – в основном помалкивать.

Косте по душе пришелся большой дом Лены на рю Эйр, который даже имел имя «Лотарингец». Прогуливаясь по окрестностям, над одним магазинчиком он нашел вывеску, на которой был изображен двойной лотарингский крест. Когда-то крест Лотарингии был символом центристских сил Европы. Фильтр времени стер острые углы, сгладил детали, убрал резкость. Остался результат: Европа объединяется. Может быть, думал Костя, скоро исчезнут границы, и на всей территории будет одна валюта – экио. Та, что была в кошельках мушкетеров. Вот только его, Кости, страна по иронии судьбы оказалась в сторонке.

Лена жила скромно. Здесь не принято кичиться деньгами и роскошью. Лена была для него кем-то вроде младшей сестры или дружелюбной бывшей жены. Он понимал, что она нуждается в друзьях, тем более таких проверенных, как Костя и Виталик. Является ли ей Виталик только другом, – на этой мысли Костя не считал нужным останавливаться.

Если так получилось, то это только на пользу. Виталик будет внимательнее к ней.

Костя ходил гулять. Здесь на улицах пешеходов мало. Все на автомобилях, пешеходы только в парках. Друзья, отличный кофе, крепкий чай, хрустящий свежий хлеб, колбаса из русского магазина, просторный дом, пустые улицы, тишина, душ и даже сауна, ну, что еще нужно человеку в его возрасте? И главное, он сам тоже еще нужен.

– Костя, – Лена спускалась с лестницы, – Костя, кое-кто хочет с тобой поговорить.

– Кто?

– Из коллег Ивана. Я сказала, пусть прилетает. Мы бы и сами слетали в Европу, но вас туда так просто не пустят.

– По какому поводу?

– Выборы, дорогой. Сейчас всех интересуют выборы в России.

– А я при чем?

– Ты что, забыл, Иван тебя ценил. Его коллеги о тебе наслышаны. Давай, друг, просыпайся. Пора, пора... как там дальше?

– Из теплого гнезда на зов судьбы далекий подниматься, – закончил Костя.

– Вот, вот! Это я и хотела сказать. Только малость подзабыла Пушкина.

– Это не Пушкин, – сказал Костя. – Это Фет. Афанасий Афанасьевич.

– Тем более!

К прибытию Француза Лена заказала русский стол. Во Французе она узнала одного из кандидатов на место Ивана Францевича. Того, кого она выбрала. Он приехал на взятой в пункте проката машине «Вольво» очень хорошего качества. Лена решила провести встречу под лозунгами «Радушные!» и «Русское гостеприимство!».

Француз носил небольшую темную бородку, был тучен, но очень живой и общительный. В глазах читался ум математика или шахматиста. Лена помнила, как нотариус зачитал завещание Ивана Францевича, и Француз, прослушав, сразу опустил глаза и не поднимал их до оглашения результата. Двое остальных кандидатов все время смотрели на нее. Он и стал Великим Хизром. Математик, окончивший в свое время Эколь Нормаль, и в молодости даже подвизавшийся в группе Бурбаки. Сейчас он склонился к ее руке (Enchante! – Очень приятно!). Ну, что ж, ей не впервые целует руку человек такого масштаба. Она не стала раскрывать его инкогнито, и он это оценил.

Виталик и Костя тоже не подали виду, что они могут знать его настоящее положение. Первым делом они повели уставшего от перелета Француза в сауну. Потом за стол. Он, хоть и

Француз, предпочитал крепкие напитки. И правильно: под них лучше всего шли горячие щи, пироги с мясом и сибирские пельмени. Среди всякой мелочи: соленых рыжиков, охлажденного розового сала, тающей в собственном жире селедки, на столе стояли две запотевшие бутылки с русской водкой.

Уф! Ну, теперь и про выборы в России можно поговорить. Француз старался говорить по-английски, но Костя, чтобы сделать ему приятное, переходил на французский.

Итак, русский пасьянс складывался следующим образом. С одной стороны, две буквы Ч – Чубайс и Черномырдин. За ними присматривают космополиты-каменщики, прячущиеся за всякими международными финансистами типа... ну, понятно. С другой стороны – Коржаков и Сосковец, они заявляют о себе как строителях-патриотах: любимая маска спецслужб. Если упростить до крайности, то здесь сталкиваются либеральный капитал и капитал «Кей-джи-би». Но!.. Есть еще генерал Лебедь.

– Лебедь – это птица такая, – разъяснил Костя. – Le cygne.

– Bon! Этот генерал-птица позиционирует себя как умелый... нет, умеренный националист. Что вы о нем скажете?

– Ваш интерес к нему легко прочитывается, – сказал Костя, – ведь он получил поддержку эмигрантов в лице Народно-Трудового Союза.

– Да. Он представляется нам надежным человеком и твердым политиком, хотя и не вполне уверенным в своих теоретических знаниях, зато способным слушать и действовать в интеллектуально обоснованном направлении.

– С тем, что он способен реагировать, – отвечал Костя, – я согласен. А вот с надежностью я бы не торопился. Не верю я в челюсти, тяжелые, как мрамор. А бас уважаю, как зритель, на оперной сцене. По-моему, вы увлечены харизмой, а не характером.

– Характером пусть обладают его советники.

– Открою вам маленькую тайну, – сказал Костя. – Мне предлагали поработать в избирательном штабе Лебеда.

– И вы?..

– Отказался. Посмотрел, послушал и отказался. Увидел расторопность, услышал хвастовство, не нашел серьезности, не обнаружил уверенности в правоте.

– Очень интересно!

– Я могу ошибаться. Но говорю как есть.

– То есть вы не находите его интересной кандидатурой?

– Интересной? Да. Надежной? Нет. Скорее важной. Потому что главная борьба будет между демократами и коммунистами, между Ельциным и Зюгановым.

– В этом его важность. В схватке двух равных огромную роль может сыграть третий, куда менее сильный.

– Да, – сказал Костя, и разговор перешел на Зюганова.

– Он не победит, – заявил Француз. – Я знаю, что демократы готовы с оружием в руках отменить демократию, если карта ляжет Зюганову.

– Ну и зря! – бросил Костя. – Ничего страшного не будет. Ни лагерей, ни возвращения к социалистическому распределению, ни Сталина, ни Берии. Хрущев осудил их, а компартия решения двадцатого съезда не отменяла. Не надо забывать, что Ленин ввел НЭП – новую экономическую политику, очень похожую на сдержанный капитализм. Нынешние коммунисты – это те же ваши социалисты, социал-демократы, то есть почти демократы. Например, я допускаю, что вы не любите Миттерана, вам больше по душе де Голль или Ширак. Но ведь вы не выступаете против Миттерана с оружием. Вы говорите: дайте срок, и его переизберут. И придет голлист или еще кто-нибудь, на кого вы рассчитываете. Возьмите Польшу. У них Квасневский, фактически коммунист, и ничего страшного не случилось. Нет, думаю, у наших нынешних коммунистов нет прежнего задора, решительности и упрямства, чтобы повернуть руль на сто

восемьдесят градусов. Они ездят на дорогих немецких машинах, одеты в дорогие итальянские костюмы и носят дорогие швейцарские часы. Они ценят комфорт, они не плачут по ночам о времени большевиков и не перечитывают книгу «Как закалялась сталь». Если нынешние демократы поступят недемократично, они заложат бомбу замедленного действия, причем сами под себя. Демагогия плюс государственный бандитизм – вот на что они идут.

– Такой брак может родить фашизм, – поддакнул Косте Француз. – Но они хотят спасти свои капиталы.

– Хотят несмышленные дети. Мартышка, зажав в кулаке орехи, не может вытащить кулак из маленького отверстия и пропадает.

– Надеются как-то вывернуться.

– Единожды солгав, кто тебе поверит? – вопросом на вопрос ответил Костя.

У Виталика слипались глаза. Чтобы не клевать носом, он отщипывал кусочек черного хлеба, за ним в рот следовал кусочек сала или селедочки. А как же есть селедочку без водочки? Совсем маленький глоточек, затем селедочка на черном хлебе и, наконец, горячая разварная картошечка со сливочным маслом. Лена развлекалась, посматривая на Виталика, пока эти два нашедших друг друга аксакала, полностью переключившись на французский язык, решали мировые проблемы.

Костя читал, что пишут о российских выборах в «Глоб энд мейл», там писали, что национализм – главная тема этих выборов. Позиция национализма, судя по всему, как ни странно, отчасти устраивала Запад. Костя полагал, что ему удалось показать Французу проблему под другим углом зрения, а Француз – величина в мировой политике.

Наконец, они вспомнили, что среди них присутствует женщина, и рассыпались в комплиментах столу, хозяйке и радушному приему.

Костя проводил гостя до спальни. Они еще поговорили. Наконец последовало:

– Je suis sur que j'ai passe le temps bien¹, – и Француз, остался один.

Напевая себе под нос, гость стал снимать с себя рубашку. На следующий день он улетел в Европу.

В первом туре выборов Ельцин не выиграл. Но и не проиграл. Вышел во второй тур вместе с Зюгановым. Второй тур – через семнадцать дней.

Лебедь занял третье место, набрав 15 процентов голосов. Много. Кому пойдут голоса его избирателей во втором туре? Лебедь – оппозиционер, он против Ельцина. Значит, голоса пойдут Зюганову?

На следующий день после первого тура Конгресс Русских Общин, лидером которого был Лебедь, упал и не отжался. Лебедь принял предложение Ельцина стать Секретарем Совета безопасности, то есть возглавить силовой блок президента. Генерал-птица переметнулся на сторону Ельцина. «Силовики» и генерал-телохранитель торжествовали. Гляди, какую птицу поймали! Лебедь в руках – это тебе не синица в небе! Не зря мы в него вкладывались, национал-патриотизм подогревали. Рыжий Чубайс со своим кошерным телевидением под командованием Березовского и Гусинского ничего не смог, а мы, благодаря Лебедю, ого-го какой кусок отхватили!

– Борис Николаич, Борис Николаич, знаете, что означает орангутан?

– Орангутан? Ты что, Сашок? Кто ж этого не знает?

– Не! Как переводится, знаете? Из двух слов состоит: Оранг и У Тан. «Рыжий человек» по-бразильски!

– Ты на кого намекаешь?

– А я и не намекаю. Орангутан, он и есть орангутан!

¹ Уверен, что с толком провел время (*фр.*).

– Дождетесь вы у меня! А ты-то кто?! Горилла? Горилла и есть! Ты меня охраняешь? Вот и охраняй! Нет ведь. Туда же – в политику. Кто вы есть, вообще?! А? Чубайс, рыжий кот, он кто? Мелкий научный сотрудник, мне. Ну, в лупу не разглядеть! А ты? Ну, кто ты такой?! Ну, что вы понимаете в политике?! Как я вас выдвинул, понимаешь, так я вас и задвину! Давай, останови машину. Где, где? В Караганде! Здесь останови. Вон видишь пруд? Хоть искупаемся! Искупаемся, а, Сашок?

Неожиданно кортеж машин президента остановился на берегу пруда. Ельцин ездил по провинции лично агитировать за свою кандидатуру.

– У меня плавок нет, Борис Николаич.

– А у меня есть? Подумаешь, плавки! Наплевать и забыть!

Машины встали. Президент скинул пиджак, стал раздеваться.

– Да не лезь ты, Сашок! Хочешь, сам раздевайся. Плавки? – бормотал он. – Зачем вам плавки? Все вы обезьяны. Что орангутанги, что эти, как их... гаврилы. Ха! Гориллы!

Президент в чем мать родила вышел на берег.

К берегу стали стекаться местные жители из деревни. Все, включая охрану президента, выглядели какими-то мелкими по сравнению с вышедшей босиком на мягкую травку глыбой.

Может, потому, что все невольно присели от неожиданности? Вероятно, выйди на берег белый медведь в полтонны весом, и то был бы меньший эффект.

– Пацаны, айда позырим! – крикнул разогнавшийся мальчишка в синих сатиновых трусах и тут же получил крепкий подзатыльник.

Президент хитро скривил рот, глаза сделались щелочками, потом они раскрылись, прошлись по толпе и мечтательно легли на переливающуюся под солнцем поверхность воды. Несколько секунд они полежали на воде, пока президент, огромный, как карьерный самосвал, не двинулся вперед.

Застрявший у воды рыболов, забыв про рыбалку, стоял с отвисшей челюстью и снизу вверх смотрел на президента.

– Что, дед? – прорычал президент. – Видал Сосун? – и с разбегу с шумом и брызгами вошел в воду, обрушившись с высоты собственного роста, будто лошадь с обрыва.

Он нырнул, не жалея прически, вынырнул и поплыл вперед, на полкорпуса высываясь из воды. Проплыв с десятков метров, президент остановился, облегченно вздохнул, пофыркал и закачался на воде, как огромный поплавок.

Генерал-телохранитель, пряча ухмылку, изображал курицу, вырастившую утят. Охрана рассыпалась по сторонам, не давая зрителям последовать за президентом. Но никто и не думал входить в воду. Это было зрелище. Оперная ария. Ведь в опере тоже никто не думает лезть на сцену.

Президент поплескался и стал выходить. Генерал уже раздобыл у зрителей большое полотенце и ждал его с распростертыми руками.

Даже прожженные циники не успели включить свое ядовитое сознание, ошеломленные таким масштабом акции «Голосуй или проиграешь». Ни в каких пиаровских лабораториях, рекламных агентствах такого не выдумать. Все могут просчитать умные аналитики, учесть опыт всех стран и демократий, а вот найти время и место для русского сокрушительного порыва не могут. Нет, не могут.

Каждый день приносил нечто новое. На теме Лебеда генерал-телохранитель торжествовал недолго. Первый тур состоялся в воскресенье, затем на следующий день, в понедельник, Ельцин сделал Лебеда своим человеком, а вот уже во вторник случился скандал. Днем генерал-телохранитель, почувствовав, что его полку прибыло, отчитал было Чубайса на заседании избирательного штаба за плохую работу, а в ночь на среду получил сдачи. А произошло следующее.

Стоит ли говорить, что денег на избирательную кампанию не жалели. Все бизнесмены были напуганы возможным вторым нашествием коммунистов, никто не отказывал в помощи штабу Ельцина, которым командовал Чубайс. Особенно ценились неучитываемые наличные средства/

Ночь. Дом правительства. Охрана клюет носом. Чу! Шаги по опустевшим пролетам гулко отдаются в тишине. Два молодых человека идут к выходу. Охранник встряхивает головой, смотрит, личности вроде знакомые, из штаба Чубайса.

– Что несете?

– Тебе какое дело?

– Есть пропуск на вынос?

– Какой тебе пропуск. Это наше.

– Что наше? Пропуск на ксерокс есть?

– Какой ксерокс?

– Я же вижу. Коробка из-под ксерокса.

– Это личные вещи.

– Покажите.

– Тебе работа не надоела? Ты хоть знаешь, на кого батон крошишь?

Охранник набрал телефон дежурного.

– Давай пропускай! – Тот, что без коробки, попытался перепрыгнуть турникет.

Охранник достал пистолет из кобуры.

– Тише, тише! – другой, держа в руках коробку, попытался успокоить обоих.

Пришел дежурный и еще один охранник, умирающий от скуки и радующийся хоть какому-то развлечению.

– Покажите, что в коробке.

– Это что, обыск?

– Почему? Досмотр. Покажите добровольно.

– Это личное.

– Нам надо убедиться.

– Зовите начальство.

– Я – начальник. Показывайте.

– Зовите высшее руководство. Я звоню самому Анатолию Борисовичу.

Имя произвело впечатление. В стране не было человека, ну, может, исключая младенцев, который не знал бы Чубайса. Могли не знать премьер-министра, но Чубайса знали все. Тем не менее охранник придавил рукой трубку телефона.

Молодой человек, который все время рвался к выходу, издевательски посмотрел на него, сделал шаг назад и вынул увесистую трубку сотового телефона.

Скучающий охранник улучил момент и со знанием дела как бы неловко задел коробку. Она открылась.

На охрану безучастно смотрели ровные пачки долларов. Целая коробка долларов. Не меньше «лимона». Будто в зеркале виделся равнодушный взгляд Бенджамина Франклина.

– Е!.. – дежурный опешил. – Та-а-ак! Все, блин, я звоню генералу!

Звонок дошел до генерала-телохранителя, он приказал задержать молодых людей до выяснения обстоятельств.

Ну, Чубайс! Ну, обезьян! Совсем наглость потерял?! Где наша Федеральная служба безопасности?! Не подкачайте, ребята!

Подняли с постели директора ФСБ. Тот прислал полковника.

Дальше события развивались, будто в ночном кошмаре. Причем сон смотрело все ближайшее окружение президента, а потом и он сам тоже.

Чубайс, видя, что «силовики» пошли в атаку, позвонил Лебедю. Ты с кем, генерал-птица?! Думай, генерал – «упал-отжался». Хочешь ходить под Коржаком?! Давай решай, сейчас или никогда!

– А! Чтоб ты провалился! – и Лебедь принял сторону Чубайса.

Второй раз за два дня Лебедь ударился оземь и превратился в свою противоположность, преобразился, как в сказке. Партия белого лебедя, партия черного лебедя, партия белого, партия черного, партия белых, партия черных... Партия! Ос-тос! Перевертос!

Он примчался в Дом правительства, он – Секретарь Совета безопасности, «Мистер Клин», как звали его на Западе, и принял на себя всю ответственность и освободил этих длинноволосых чудиков на букву «м» вместе с их коробкой.

Вот вам! Нашла коса на камень.

Чубайс в это время помчался к президенту. Здесь важно, кто кого опередит. Перед дверью Чубайс взъерошил волосы, сдвинул набок узел галстука и принял запыхавшийся вид.

– Это как, Борис Николаевич?! Нам с вами – палки в колеса! Деньги из штаба на вашу избирательную кампанию. Когда мы напрягаемся из последних сил, они нам поджилки режут. Простите меня, я так не могу. Увольте или дайте работать. Иль дайте есть, иль ешьте сами!

А потом Лебедь прибыл в кремовой рубашке и дорогом костюме оттенка «кофе с молоком». И разомкнул тяжелые челюсти и сказал, как отрезал: «Штаб есть штаб! Без штаба – нет победы!»

И Березовский поднял с постели жену и дочь президента: «Пап, ты не в том положении, чтобы так рисковать. Зарвались твои телохранители, политика – дело тонкое, они тебя потопят, сами того не желая».

Ельцин пятился, качал тяжелой головой, жмурился, думал, скрестив руки на груди, гудел что-то в ответ, украдкой опрокидывал рюмку за рюмкой. Несмотря ни на что, он был трезвый политик и понимал, что надо уступить. И уступил: отправил силовой блок во главе с генералом-телохранителем в отставку.

А время требовало действий. У Зюганова электорат заточен на победу.

«Голосуй или проиграешь!» Однозначно! Не ленись! Не спи! Проголосуй за президента!

Второй тур. Ночь подсчета голосов. Утро. Утомленные и радостные лица телеведущих Коли Сванидзе и Светы Сорокиной. Президент побеждает!

А победил Геннадий Зюганов. Только голоса у него своровали. Что ж упрямяствовать? Пустое!

– Геннадий Андреевич, вы ж понимаете, это пустые мечты. Вы хотите столкновений, крови? Вам это нужно? Да вы все понимаете. Зачем доводить до греха? Ведь так? То, как на вас давили в избирательную кампанию, покажется вам цветочками. Безопасной прогулкой. А? Оцени, Гена: так ты всю жизнь будешь уважаемым человеком, в хорошей позиции, никто тебя пальцем не тронет, тем более твоя позиция – конструктивная оппозиция, она всем нужна, и нам тоже. Ты же умный человек и опытный политик. А?

Зюганову профессионального баса не занимать.

– Если по делу, то все это требует обстоятельного осмысления.

– Ну, вот, мы же знали, что ты молодец, Гена. Привет семье.

Зюганов кладет трубку, склоняет перед историей лобастую голову. Демократия поправа? Не впервой. Она стояла на детских ножках, но ее не пожалели. Нехорошо!

Нехорошо на душе у Зюганова, нехорошо на душе у Ельцина. Молодые да ранние, разве ж они понимают?! И не потому, что демократия – лучше всего, нет, а потому, что ложь – хуже всего. Но Зюганов и Ельцин прошли хорошую школу, они знают с детства: ешь что дают.

Однако философ и практик знают и другое: за демократию нужно бороться каждый день, а диктат – он, как инстинкт у животного, всегда тут как тут, готов и бодр, и разговор у него – короткий:

Шесть ворчунов шли на парад,
Один хотел отстать,
Его заметил штурмовик,
И их осталось... пять².

Ельцин уехал в Завидово. Приходил в форму после стресса выборов. Его оппоненту оставалось только утешать себя: «Ельцин в Завидове оттягивает свой конец». Так было написано в одной газете.

² В. Высоцкий. Ворчуны.

6. Малые маневры

«Клянусь, во имя Великого Архитектора Вселенной, никогда и никому не открывать, без приказа от ордена, тайн, знаков, прикосновений, слов доктрины и обычаев франкмасонства и хранить о них вечное молчание. Обещаю и клянусь ни в чем не изменять ему ни пером, ни знаком, ни словом, ни телодвижением, а также никому не передавать о нем, ни для рассказа, ни для письма, ни для печати, или всякого другого изображения, и никогда не разглашать того, что мне теперь уже известно и что может быть вверено впоследствии...»

До государственной исторической библиотеки в Старосадском переулке Костя было рукой подать. Как мы помним, он жил в одном из рукавов, вливающихся в Чистопрудный бульвар. Всего-то – пешочком до Покровки и вниз к Маросейке, почти до самого здания налоговой полиции, где раньше помещалось Министерство тяжелого машиностроения.

Оказалось, франкмасонство интересовало не одного Костю. В этот сентябрьский день 1996-го его в библиотеку не пустили. Ночью библиотеку обокрали. Позже он узнал, что похитили масонскую коллекцию.

Плотные дядьки в форме и в штатском, переговариваясь, стояли во дворике, на улице, у машин, неторопливо входили и выходили из дверей нового корпуса. Казалось, что они с удовольствием вылезли из кабинетов в ожидании какого-то мероприятия на свежем воздухе.

Костя сначала ткнулся в старую потрепанную дверь главного входа, но его не пустили. Милиционер охотно объяснил, что произошло. Костя проследовал по тротуару вдоль здания, пока не дошел до самого конца библиотеки. Желтые листья осин трепетали на фоне василькового неба. Он вздохнул и, не поворачивая, зашагал дальше.

Костя прилетел из Монреаля еще летом. С ним вместе прилетели Лена с Виталиком. Пока Лена летала в Хайфу навещать родителей, Виталик оформлял выездные документы, собирал справки, сдавал какие-то анализы. Результаты анализов зачем-то отправили в Лондон. Короче, шли месяцы, но Лена не хотела возвращаться обратно в Монреаль без Виталика: одна она не чувствовала себя в полной безопасности. Костя не мог ее успокоить.

– Откуда мне знать порядки в вашей корпорации избранных? – пожимая плечами, говорил он Лене. – Если сравнивать ее, скажем, с регулярным масонством, то у тебя звание куда выше мастера. Ну, может, оно соответствует степени Достоинно Избранного. Хотя... у вас скорее «суперложа». Может статься, у тебя вообще высшая степень типа Великий Инспектор. Но и она может оказаться только фантиком.

Что Лена знала об этом? Пока ничего. После отъезда Француза за поздним завтраком она прослушала Костину лекцию о франкмасонах. Но Костя больше распространялся о старинных французских корнях в движении по созданию Соединенных Штатов Европы. Она кое-что слышала о тамплиерах, но за их спинами прятался таинственный Сионский орден. Последний обладал тайной династии Меровингов, будто бы ведущих свой род от самого Иисуса Христа. Об этом свидетельствовали старинные документы, слагались легенды, на это намекали поэты и художники. Священная кровь древних королей взывала всех христиан к объединению под единой дланью. С этой целью свергались монархии, заключались королевские браки, велись религиозные войны и рождались тайные общества.

Костя рассказал ей о юном короле Дагобере, имя которого означало Блестящий меч, убитом, но успевшем дать миру свое потомство. Оно расселилось по Европе, на Западе в Лотарингии и на Востоке на русской земле. Очевидно, это была тайна тайн, поскольку касалась и правящих домов и властительной церкви. За века Священная идея не утратила своей направленности, однако появлялись ответвления, мутации, новые люди, предпочтения, цели, зачастую в них утрачивалось основное зерно, бережно охраняемое узким кругом посвященных.

В настоящем профаническое большинство, говорил Костя, видит борьбу двух противоположных моделей: с одной стороны – «демократизация и либерализация», с другой – «крестовый поход». Здесь Костя привел примеры двух стратегов будущего. Лена попыталась припомнить... точно, – Френсиса Фукуямы и Самюэля Хантингтона. Один что-то тянет за либеральную глобализацию, а другой, наоборот, за войну цивилизаций. После этого Лена, обессилив, перестала слушать.

Костя это сразу заметил и поспешно перешел к вещам более конкретным.

Он сказал, что Иван Францевич, видимо, был посвящен в изначальные секреты, недаром он провел время в качестве пленного советского генерала в Юрицбургском замке, недаром был выбран самим Сталиным для работы в Европе, выбран и забыт. Его не отнесешь к сторонникам либерализма. По мнению Кости, таким сторонником был Андропов, и он знал о Сионском ордене и понимал всю важность лозунга о Соединенных Штатах Европы. Он и Сталин двигались к одной цели с разных сторон.

Для Лены дискурсивные модели Кости были сущей каббалистикой и никак ее не успокаивали в личном плане. От них кровь бежала быстрее, но тревога в крови тоже присутствовала. Здесь, в Москве, рядом с Костей и Виталиком она чувствовала себя уверенно и в полной безопасности.

Спускаясь вниз по Старосадскому переулку, Костя ловил нежаркие лучи сентябрьского солнца. Переулок упирался в белые с отбившейся штукатуркой стены старинного женского Ивановского монастыря. Костя перешел маленькую площадь и провел рукой по белой стене. Рука запачкалась известкой. «Прикоснулся к истории», – Костя стряхнул с руки известь. Редкие прохожие, занятые и деловые, пролетали мимо, как метеоры. В нем зажегся огонек противоречия, он встал в задумчивости, обводя взглядом монастырь. И еще раз погладил камень, и не стал больше тереть ладонью о ладонь. Он подумал, как много тайн вокруг нас, а мы пролетаем, как космические тела, мимо.

«Постойте, – хотелось ему сказать, – постойте, взгляните на эти стены. Да знаете ли вы, что за ними тридцать лет провела в заточении знаменитая Салтычиха – Салтыкова Дарья Дмитриевна? Та самая садистка-помещица, загубившая к своим тридцати пяти годам больше ста душ, из них только троих мужчин. Где ваш маркиз де Сад? Он тогда подростком был. Куда ему до нее! Ах, знаете? Тогда другой вопрос. Примерно в те же годы здесь же в строжайшей изоляции, но с великим почетом, изысканными блюдами и тонким бельем содержали молодую инокиню Досифею? Она здесь состарилась и умерла, а хоронили ее в усыпальнице Романовых в Новоспасском монастыре. Вот вам женский вариант “Железной маски”. На обратной стороне портрета Досифеи была надпись “Принцесса Аугуста Тараканова во иноцех Досифея, пострижена в Москве Ивановском монастыре”. Дочь Елизаветы I и графа Разумовского. Вы скажете: княжна Тараканова умерла в Петропавловской крепости? Может, не она, а может, и не умерла. Досифея была доставлена сюда, в монастырь, через десять лет после явной или мнимой смерти той в Петропавловке. А потом в Москву явился Наполеон, и его солдаты сожгли монастырь.

Монастырь долго восстанавливали. После революции его закрыли и сделали из него концлагерь ВЧК. Удобно – рядом Лубянка. Туда и Салтычиху водили на допросы, только тогда там был Сыскной приказ. А уже после концлагеря в монастыре открылся учебный центр НКВД».

Костя, продолжая размышлять, шел по Хохловскому переулку. «Цветы растут у наших ног, а мы проходим мимо», ленивые и нелюбопытные. Теряем не информацию, не знание, нет, в конечном счете, теряем самое ценное – мудрость. А мудрость не терпит суеты. Метеоры мудрости не имеют. Они или приносят бедствие, или сгорают без следа.

С людьми – так же: «Здрассьте, приятно познакомиться! До свидания! О’кей! Еще увидимся!» Каждый побежал дальше. «Мы знакомы? Ах, да! Ну, давай, пока!» Разбежались.

Бог с ними, с вещами! Человек – вот мера всех вещей!

Под золотыми знаменами навстречу Косте двигались гвардейские батальоны осени.

А дни, уцепившись друг за дружку, как вагончики, выплывали из утреннего тумана и, коротко сверкнув, терялись в ранних сумерках. Лена жила в своей старой квартире на Новокузнецкой улице, в шаговой близости от Красной площади. Ей нравилось бродить в центре города, заходить в дорогие магазины. Неизбалованные продавщицы с почтением взирали на даму в белом пальто и сумочкой «Диор» в руке. Лена редко что-то покупала: в другом полушарии цены были гораздо более порядочными, но ей нравилось открывать для себя капиталистическую Москву.

Однажды, поздним утром промозглого дня, она сидела у окна за столиком кафе. Окно простиралось до самого пола, отсюда открывался вид на Тверскую улицу, на которую обрушился короткий снежный заряд. Снег уже растаял под колесами машин и под ногами пешеходов. Лишь у подножия домов, да рядом с кромкой тротуаров еще оставалась полная влаги белая пенка.

У бордюра, плеснув водой с дороги, остановилась красная «тойота». Из нее вышла девушка и направилась в кафе. Машина проводила девушку, мигнув ей желтыми огоньками. Девушка неторопливо вошла в помещение, огляделась и попросила разрешения занять место за столиком Лены. Лена ничего не имела против, она даже убрала сумочку со стола, поставив ее на свободный стул. Девушка заказала кофе и со вздохом откинулась на спинку, бросив перед собой на стол ключи от машины.

– Ну и погода! – сказала она. – То снег, то солнце. Не знаешь, брать зонтик или нет.

– Вы же на машине, – сказала Лена.

– Да уж! Если бы не моя умница-красавица...

– Вы с ней хорошая пара.

– Спасибо. А вы пешком?

– Пешком, – призналась Лена. – Зато я живу в центре.

– В центре? Завидую вам белой завистью. А, впрочем, теперь уже нет. Уезжаю за бугор. –

Девушка махнула куда-то за окно.

– Тоже неплохо, – вежливо согласилась Лена. – Надолго?

– Может, навсегда. – Глаза девушки затуманились.

Лена с грустью смотрела на улицу.

– Вот только девочку мою оставляю, – опять вздохнула девушка, кивая на окно.

Лена проследила за ее взглядом, взгляд был направлен на красную машину.

– Ах, это... – догадалась Лена. – Хочешь, не хочешь, придется продавать. Там вы за эти деньги купите вдвое лучше.

– Лучше не бывает. Знаете, я хотела продать, да так и не решилась. А потом подумала, а может, не стоит? В чьи руки попадет? Короче, все равно уже поздно.

– Да бросьте вы! Я, конечно, вас понимаю, сама такая, но все это как-то нерационально. Теперь девушка задумалась, играя чайной ложкой.

– Знаете что! – вдруг встрепенулась она. – А вы бы ее купили? У вас есть машина?

– Нет.

– Хотите?

Лена стряхнула с себя сонливость, нападающую на человека в теплом помещении, когда за окном холодно и сыро.

– Ну, вообще-то...

– Берите. Я недорого отдам.

– Надо подумать.

– Некогда думать. Я могу это сделать только сегодня.

– За сегодня мы не оформим.

– А что там оформлять?! Я вам напишу доверенность. Теперь ее даже заверять не нужно.

Лена с сомнением покачала головой:

– Но мы практически друг друга не знаем. Это как-то не по-людски. Нет, вы не подумайте, я вас не подозреваю, но было бы спокойнее, если бы был нотариус и доверенность с полным набором опций, со всеми правами нового владельца.

– Хорошо! Давайте так, мы обменяемся своими данными, я беру на себя нотариуса, вы готовите деньги. Встречаемся, – девушка посмотрела на часы, – в пять часов, быстрее я не успею, у станции метро «Владыкино». Там есть такая площадка открытая. Ну, вы увидите.

– Погодите-ка! А сколько денег-то?

– Денег? – Девушка запнулась, потом прыснула в ладошку. – Ну, я совсем ненормальная! Самое главное и не сказала. Короче, я хочу за свою девочку шесть тысяч.

– Долларов?

– Ну разумеется.

– А торг уместен?

Девушка пожалала плечами и отпила из чашки свой кофе.

– Понимаете, – пояснила Лена, – мы ведь ее даже не проверим. Получается, я беру ее как есть. За бугром, как вы говорите, это называется «эз из». Такие машины там стоят сущие копейки.

– Хорошо, а вы что предлагаете?

– Пять.

– О'кей! Продано. Ну, за нашу сделку! – Девушка чокнулась с Леной чашками с кофе. – Только... вы точно придете? Я буду бегать с доверенностью, а вы передумаете.

– Вот что! – нашлась Лена. – Сколько стоит нотариус?

– Нотариус? Около четырехсот тысяч деревянных.

– Держите пятьсот, – Лена порылась в сумочке и отсчитала деньги. – Так вас устроит?

– Вижу, вам понравилась машинка?

– Вполне симпатичная.

– Я тоже тащусь по ней!

Девушка довезла Лену до метро, и они распрощались.

Лена позвонила Виталику и похвасталась сделкой.

– Встретимся у Кости, – предложил Виталик.

Лена приехала первой. Костя, узнав новость, поднял глаза к высокому потолку комнаты:

– Ну, начинается!

Виталик, которому трудно было отказаться от мысли об иномарке, пока осторожно хранил молчание. Костя потребовал подробностей.

– Нет, друзья, – выслушав, сказал он, – по-моему, это, без всякого сомнения, фальшивка. В лучшем случае она не придет, в худшем, дорогая, ты лишишься и денег, и машины. О самом худшем я вообще молчу. Ты отвыкла от страны. Есть одна деталь, которая меня убеждает. Так всегда: вся интрига – в деталях. Я считаю, что мужчина, не торгуясь, еще может сбросить цену с пяти до шести тысяч целковых, женщина – никогда.

Виталик красноречиво вздыхал.

– Предлагаю рискнуть, – заявила Лена. – Ведь у меня есть вы! Голосуем. Кто за? – Она подняла руку.

Виталик тоже поднял руку.

Костя ухмыльнулся. Он двумя пальцами обтер рот и покрутил головой.

– По крайней мере, надо минимизировать риски, – видно было, что он доволен и что его еще не покинула жажда приключений.

Все трое вновь ощутили себя молодыми.

– Времени у нас мало, – взяв в руки командование, сказал Костя. – Сделаем так: я звоню Артуру, может, он чего посоветует. Вы езжайте по домам. Собирайте деньги. Я вам позвоню. Через сколько вы будете дома?

– Без разницы, – доложил Виталик. – У меня есть сотовый, у Лены тоже. Звони в любое время.

– Как это?

– Да очень просто! – Виталик достал из кармана куртки трубку мобильного телефона. – Видишь?

– И что? До любого места достает?

– Ну, может, не до любого. Но мы ж тут все недалеко от центра.

– И ты мне можешь позвонить?

– Могу. И тебе, и Лене на сотовый. И она – тоже.

– Ну, ты даешь! Вот это штука! Дорого?

– Не дороже денег.

Виталик с Леной оделись и вышли, а Костя принялся названивать Артуру. Тот сидел на работе и скучал. Костя поведал ему об их затее, рассказал и то, что он с Виталиком на постоянной связи. Такое чудо техники тогда было редкостью.

– Виталик знает это место? – спросил Артур. – Там неподалеку институт теплотехники. Он должен знать.

– Ну, да. Был там пару раз.

– Отлично. Я тоже был. А ты?

– Нет, не припомню.

– Там пустыри, какие-то склады, стройки. Место довольно темное. Выходишь на Сигнальный проезд, – темнота – глаз коли. Светлый пятачок только возле метро. Вот вы с него и не сходите.

– Ясно, – сказал Костя.

– А темноту мы в свою пользу обратим.

– Есть идеи?

– Пока нет. Но я подумаю.

– Времени мало, – предупредил Костя.

– Дай полчаса. Полчаса вас устроит?

Костя положил трубку и крепко зажмурился. Чувство, которое он сейчас испытывал, он назвал бы нештатным. Как все люди с избытком тестостерона, он терпеть не мог незаконное вторжение адреналина. Он подошел к зеркалу. Это что, возраст? Внутри возникали и лопались, как пузырьки, невнятные опасения, элементы тревоги, всякие глупости, и мысли разбегались в разные стороны. Потом все становилось на свои места, приобретало жесткость кристаллической решетки, и вновь рождались угрожающие деформации, стремящиеся разрушить жесткую конструкцию. Но воля держала ее. Он не испытывал ни волнения, ни страха, он просто прислушивался к себе, к новым ощущениям.

«Человек – царь природы и химический раб своих гормонов, – решил Костя. – “Мы не господя положения, но по положению мы – господя”».

Вернуть бы былую мощь. Нет, и силы не те, и время не то. Сейчас туда люди и с оружием могут явиться. Запросто! Поэтому все предусмотреть надо. Под пулю попасть не страшно, страшно под пулю подставиться. Оплошать страшно.

Костя потер подбородок. Побриться, что ли? Нет, не надо. Не надо искушать судьбу. Если мы с Виталиком не сможем Лену от мошенников защитить, как же мы ее защитим от сил куда более грозных?

Зазвонил телефон. Костя поднял трубку. Это был Артур. Он говорил, Костя слушал.

– Все ложится на Виталика, – сказал в заключение Артур. – Ты – на подстраховке. На крайний случай.

На обсуждение не было ни минуты.

– Ладно, принимаем, не обсуждая, – резюмировал Костя.

Пожалуй, Артур прав: переиграть людей опытных, которые сделали свой криминальный бизнес профессией, можно, только вводя в игру элемент неожиданности. Он должен нарушить привычный для них порядок. Само место натолкнуло Артура на мысль. От станции «Владыкино» хорошо видна Останкинская телебашня.

Когда Виталик подъехал на своих «жигулях» к назначенному месту встречи, солнце передавало всем прощальный привет узенькой розовой полоской над горизонтом. Ее было видно в перспективе уличного проема. Асфальт высох, в холодном и ясном воздухе четко просматривались архитектурные линии.

Виталик свернул с Сигнального проезда, нашел стоянку для машины и осмотрел местность. Быстро смеркалось. Идеальным местом выглядело складское помещение, которое возвышалось над окруженной фонарями площадью. Он обошел его, ища, как к нему подобраться. На заднем дворе валялся строительный мусор, а у стены стояли не разобранные леса, что представлялось несомненной удачей. Виталик дождался густых сумерек и проник на последний этаж, взирающий окрест черными окнами без стекол. Стараясь не удариться обо что-нибудь в темноте, Виталик обошел помещение и выбрал окно, из которого вся площадь была видна как на ладони.

Прислушался. Снял рюкзачок с плеч. Кряхтя, установил перед окном дощатые козлы, оставленные строителями. Устроился перед окном на козлах, достал из рюкзака бинокль и... разобрannую спортивную винтовку с оптическим прицелом.

Лена опоздала на встречу всего на пять минут. Она оставила Костю у самого входа в метро, а сама направилась к площадке. Белое пальто Лены светилось под фонарями.

На площадке спали два старых автомобиля и вросший в землю ржавый автобус. У дальнего въезда показалась красная «тойота». Проехав немного, она остановилась.

Лена помахала рукой, но не двинулась с места. Она стояла на самом краю площадки, придерживая сумочку двумя руками, чуть наклонившись вперед, ожидая, когда хозяйка машины подойдет или подъедет поближе. Девушка вышла из машины и подошла к Лене.

– Извините, – сказала Лена, переминаясь на месте, – мне посоветовали не удаляться от метро, пока не завершится сделка. Я и деньги оставила там. – Она махнула в сторону вестибюля станции. – Если документы в порядке, я их принесу. Я взяла с собой человека, но попросила его подождать, чтобы со своей стороны не пугать вас.

– Я думаю, вы все правильно сделали, – сказала девушка. – Здесь будете смотреть?

Лена бросила взгляд на машину.

– Лучше здесь, – решила она.

Доверенность оказалась в порядке. Зарегистрировано в реестре за номером Д-706, взыскано государственной пошлины 395 тысяч 240 рублей. Нотариус: подпись, печать. Лена сложила бумагу и пошла за деньгами.

Девушка пересчитала деньги, внимательно осмотрела две взятые наугад купюры и кивнула. Она сунула руку в карман и достала ключи от машины, в ее руках они заставили машину оживиться и поморгать глазами.

– А второго комплекта нет? – спросила Лена, принимая от нее ключи.

– Извините, нет. Ну, все? Я пошла?

– Да, да, конечно. И спасибо вам.

– Удачи.

Девушка засеменяла на каблуках к метро. Стоявший в сторонке Костя зашагал к Лене. А Лена уже спешила к машине. В этот момент в кармане у нее зазвонил телефон.

– Да! Да, поняла! Поняла, – Лена, все еще державшая ключи в руке, отыскивала кнопку дистанционной блокировки дверей автомобиля.

Не успела она воспользоваться кнопкой, как машина вдруг мигнула желтыми огнями: замки дверей открылись, теперь всякий мог проникнуть внутрь салона...

Виталик из своего укрытия наблюдал весь процесс купли-продажи автомобиля. Он видел, как остановилась в темноте, не доехав до площади и погасив огни, «тойота», как из нее вышла высокая мужская фигура в куртке и спортивных брюках «Адидас», как появилась на освещенном месте Лена, как тронулась ей навстречу «тойота».

Еще до полной темноты Виталик успел пристрелять винтовку. Часть пустынной площадки окружали бетонные заборы, за забором проходили железнодорожные пути. Под шум проходящего поезда можно было стрелять, не опасаясь, что выстрел услышат, тем более что у Виталика был самодельный глушитель.

Глушитель он сварганил в начале девяностых, когда стрельба в Москве перестала быть редкостью. Так, на всякий случай. Да и интересно было. Для глушителя потребовались кусок трубы, шесть металлических колец и две пружины.

Из укрытия он видел, как скрылась в метро девушка, как стали приближаться к «тойоте» брюки «Адидас».

...Лена нажала на кнопку и заблокировала двери. Не отпуская кнопки, она приблизилась к мужчине в «Адидасе».

– Это вас, – сказала она и протянула ему телефон.

– Не понял!

– Телефон.

– Меня?

Сзади к ним подходил Костя.

– Это сотовый, – сказала Лена. – Возьмите.

Он с опаской взял трубку. С опаской и любопытством. Новинка была ему в диковинку. Одиноким, разгуливающим по улице телефон – это круто!

– Ты у меня на мушке, – сказали в трубке. – Посмотри налево, видишь столб? Смотри!

От столба полетели крошки цемента. Все трое стоявших рядом инстинктивно прыгнули.

– Следующая пуля – твоя, – продолжала говорить трубка. – Любое резкое движение и – ага! Та-а-к, ведем себя прилично. Медленно отдаем мужчине телефон и ключи от машины, второй комплект, отходим от машины и ждем, когда она уедет. Твоя жизнь – в твоих руках.

«Адидас» протянул Косте телефон и ключи.

– А вы меня не помните? – вдруг спросил он Костю, в его тоне прозвучало что-то вроде облегчения. – Вы ведь в Малаховке у нас историю партии читали. Я на вечернем учился.

Костя прищурился.

– Я иногда к вам днем в спортзал качаться приходил, – поведал «Адидас». – Не помните? Вы тогда крутые веса поднимали.

– Было дело, – признался Костя. – А ты, значит, я смотрю... по специальности работаешь?

– Нет, вы не подумайте! Это? Это в первый раз. Так получилось.

Костя уже садился в машину.

– Я понял, понял, – не скрывая иронии, сказал он.

Виталик досмотрел последний акт: как отъехала «тойота», как парень в «Адидасе» с досадой ударил кулаком правой руки о ладонь левой, как поддел ногой пыль на площадке и как побрел к вестибюлю метро.

– Костя, я гляжу, ты – популярная в Москве личность! – съязвила Лена, приноравливаясь к новой машине.

– Не в Москве, а в Московской области, – уточнил Костя. – Я ж перед пенсией в областном инфизкульте работал.

– Господи боже, – подняла глаза к небу Лена. – Куда деваться?! Повсюду – одни физкультурники!

7. Вихри перемен

– У нас на работе только 286-й «писишник» был, – говорил Виталик Артуру. – И использовался как печатающая машинка. Ну, еще в игры можно было играть.

Лена улетела обратно, ее сопровождал Костя, а Виталик все еще оформлял документы на выезд и гонял по Москве на красной «тойоте».

– Ага! Небось, работали в «Нортоне», а печатали на «Лексиконе»? Ты еще «железного Феликса» вспомни, а еще лучше деревянные счеты. Забудь, Виталик. Пора приобщаться к современной технике. Во-первых, переходим на «Виндоуз», а во-вторых, загружаем интернет-браузер. И пользуемся Интернетом. Это, брат, мировая сеть. Связь, информация, поиск, доступ ко всему, что есть в Сети. Вот, ты уедешь за границу, можешь мне письма в Интернете писать. А я тебе буду по Интернету отвечать. Минутное дело. Сейчас, чтобы тебе позвонить, я должен на почту идти, разговор заказывать. Письмо две недели идет. Это в лучшем случае. А здесь раз – и готово! Если модем хороший, килобайт пять в минуту пропустит.

Артур приобщился к Интернету на работе. Как уже мы говорили, первый этаж их института арендовала фирма по продаже компьютеров. Когда Артур написал служебную записку и предложил начальству задешево приобрести новую технику, его сначала не поняли, но он сумел обосновать расходы, и сделка пошла на пользу всем.

По ее завершении к Артуру подошел парень – директор фирмы.

– Слышь, Артур, это твоя доля. – Он протянул Артуру конверт.

– Это что?

– Лавэ.

– Зачем, вы и так нам по дешевке продали.

– Бери – законы рынка!

Артур задумался.

– Знаешь что? Ты можешь мне вместо этих бабок Интернет наладить?

– Не вопрос! Кинем кабель, и пожалуйста – пользуйся!

Так Артур стал единственным в институте обладателем Интернета. Однако начальство скоро узнало об этом и потребовало своей доли международной сети. И вовсе не для того, чтобы искать скандалы и порносайты. Во всяком случае, не только для этого. Интернет можно использовать для пересылки материалов, отчетов, проектов, короче, результатов научной работы. Легальный бизнес: материалы можно пересылать даже за границу вчерашним потенциальным противникам, если, конечно, им это интересно, а многое им было интересно. Для этого заключался договор на проведение научно-исследовательской работы. Работа либо уже давно была выполнена еще в СССР, либо вся она заключалась в том, чтобы обобщить интересующие заказчика сведения. Она открывалась, скажем, в рамках авторского надзора или при продаже лицензии, через внешнеторговую фирму или непосредственно финансировалась интересантом. Институт был государственным предприятием, поэтому удобно и выгодно было заключать договор через мелкого посредника – карманную частную фирму, созданную здесь же при институте, зачастую с почти тем же названием (добавлялся дефис и одна буква, например ТОО «НИИЯ-М»). Фирма получала деньги от заказчика и платила наличными. Наличные шли в карман тем, кто задумывал, продвигал и осуществлял всю эту операцию. Интернет в данном случае был каналом для передачи материалов хоть в Санкт-Петербург, хоть в Австралию.

Когда начальство добралось до Интернета, Артур лишь попросил, чтобы не использовали его компьютер, и поставил на него защиту.

– Через несколько лет компьютер будет доступен каждому, – убеждал он Виталика. – Представляешь, у нас будет возможность общаться в реальном времени в звуке и на экране.

– Можно на улице не выходить.

– В принципе – да. Общение есть, информация – тоже. Можно войти в компьютер продовольственного магазина, и тебе доставят все, что закажешь. На работу ходить не надо, все, что наработал, отправляешь с компьютера, по нему и с начальством общаешься. Техника, которая задумывалась как инструмент для решения уравнений, станет средством общения. Я читал, что к двухтысячному году 80 % населения Западной Европы будет иметь персональные компьютеры. Без этой штуки человек не сможет обходиться. Она может стать такой, что ее можно будет носить в кармане или сворачивать в трубочку. Станет неотъемлемой частью человека, в каком-то смысле его «альтер эго». В ней его мысли, друзья, его маршрут, намерения, связи и поступки.

– Ты намекаешь на то, что с ее помощью можно контролировать человека, да?

– Даже и не намекаю. Просто говорю.

– То есть внушать, воспитывать...

– Обработать, организовывать, направлять, ублажать и запугивать.

– Потом, как в «Терминаторе», машины завладеют миром?

– Иронизируешь? Намеренно упрощаешь? Не все так просто. До этого наверняка появится человек, который скажет себе и всем: я знаю, как надо! И это будет очередной грандиозный провал очередной общей идеи. Ведь почему двадцатый век так в этом отличился? Из-за расцвета медийных средств: газет, радио, кино, телевидения. А теперь – такая техника! Как только этот тип захочет осчастливить человечество, он будет строить систему. Всех – в систему! Там – хорошо! Идеальное общество. Всем смотреть сюда, соблюдать равновесие, сохранять устойчивость, не раскачивать лодку. Так? А вот и нет! – Тут Артур сел на своего любимого конька. – Я тебе скажу! Неравновесные системы сами образуют стройность, только для этого не надо бояться рисков. Потому что в системе разворачивается главный процесс – процесс самоорганизации. Но нет! Куда там! Никто не хочет ничего знать. Вместо оценки рисков замораживают систему, начинается понижение энтропии, всякое исключение хаоса, поддержание структуры, создание шаблона, искусственной матрицы.

Мнение, высказанное Артуром, показалось Виталику оригинальным, однако нельзя сказать, что Артур сделал здесь какое-то открытие. Мысль, пришедшая в голову более чем одному человеку, тривиальна. В этом тривиальная реальность и реальная тривиальность. О чем это мы? Дело в том, что за несколько месяцев до его монолога два брата-режиссера Ларри и Энди Вачовски закончили сценарий фильма «Матрица».

Фильм выйдет через три года, выйдет, как бомба из бомболюка. Это будет первой точкой отточия, поставленного в конце двадцатого века.

«A blinking cursor pulses in electric darkness like a heart coursing with phosphorous light, burning beneath the derma of black-neon glass» – это начало сценария. Бьющийся, подобно сердцу, фосфоресцирующий курсор на черном экране. Пустой ночной город. Тринити, убегающая от агентов Матрицы. Агенты Матрицы спокойны: «Мы знаем о следующем объекте. Его кличка Нео».

Нео – хакер, днем – образцовый гражданин Томас Андерсон. Компьютер устраивает встречу Нео и Тринити: «Ты пришел, чтобы узнать ответ на вопрос, что такое Матрица?»

И он узнает, что на самом деле сейчас не 1997 год, а 2197-й, что он живет не в реальном, а виртуальном мире, в реальности люди используются как источники биоэлектричества, как батарейки для машин, поскольку солнечный свет больше не пробивается сквозь сплошную облачность. Люди находятся в ячейках, а их мозг подключен к программам-симуляторам, полностью воспроизводящим жизнь такой, как она была в 1997 году. Программы создают иллюзию полноценной жизни.

Горстка людей, не заключенных в ячейки с питательным раствором, в реальности борется, как может, с властью существующей машинной системы. Чтобы бороться с миром программ, они тоже могут подключиться к виртуальной жизни, войти внутрь нейроинтерак-

тивной системы – Матрицы. Собственно так Тринити встретила с Нео, на которого борцы возлагают особые надежды. Его вытаскивают из ячейки, показывают реальность и предлагают встать в их ряды: «Добро пожаловать в реальный мир, Нео». Теперь вместе с новыми друзьями Тринити, Морфеусом и другими, он будет проникать в виртуальный мир, имея цель покончить с существующей системой.

Входить в мир Матрицы с помощью нейроконтактов небезопасно. Тело живет, пока живет мозг, и если тебя убьют в виртуальном мире, тебе уже не жить в мире реальном. У Нео оказались редкие способности. Морфеус верит, что он нашел спасителя, о котором якобы говорил Оракул. Оракул – это тоже программа в Матрице. Программы живут самостоятельной жизнью – эта представлена в виртуальном мире в виде немолодой женщины. Технологичность Матрицы сталкивается в ее лице с психологической концепцией.

Реальный мир суров, непритязателен, полон опасностей, в нем – ноль комфорта, зато в избытке ответственности. Матрица привлекательна. В ней – жизнь, знакомая нам, жизнь, созданная цивилизацией: пища имеет аромат, одежда – стиль, жилище – современные удобства, к услугам – увеселения, автомобили: «Матрица – мир грез, чтобы подчинить нас, Нео».

Нео узнает, что сохранившейся популяции людей приходится жить глубоко под землей. Оракул предсказал, что будет конец войне с машинами и люди обретут свободу. Последний островок, где обитают люди, называется Сион (Zion). То есть – Сион. Ну конечно же Сион! Сион – символ Царствия Божия во всей его полноте. Сказать «Сионский» значит сказать, в обобщенном смысле, «Храмовый». Агенты Матрицы ищут коды доступа к нему.

Агенты – это суперпрограммы, биться с которыми простому смертному не под силу. Агент Джонс, агент Браун, агент Смит. Безликие, средненькие, похожие на киношных чиновников из ФБР, но обладающие огромными возможностями. Инакомыслие подавляется, но личного пространства это не касается. Все можно. Все, кроме оспаривания власти Матрицы. Получается эдакая постмодернистская модель государства, циничного, насыщенного пир-технологиями, заботящегося о собственных амбициях и собственных активах. Фальшивка. Умная, агрессивная, хитрая.

Выдумка братьев Вачовски? Для людей благоразумных, тех, кто намеренно сузил полосу частот восприятия внешних сигналов, – да. Для тех, кто потупее, – тоже да. Для тех, кто подходит к границам возможностей, это – послание. И не так важно, предупреждение это или обещание, важно содержание.

Заключительные реплики в сценарии принадлежат маленькому мальчику и его маме: «That man! That man fliers! – Don't be silly, honey. Men don't fly. (Этот человек летит! – Глупыш! Люди не летают)».

В программном мире летают.

Артур рассуждал, ничего не зная о сценарии, но сценарий был уже написан. Артур толковал Виталику о социальной роли технологий, об аспектах их развития, о тенденциях и проблемах так, будто у него самого проблем не было. А у него они как раз были. Он старался забыть о них. Совсем другого рода проблемы – личные. Он хотел уйти от них. Но они стояли на первом плане. И имя им было – Людочка.

Людочка... она – как электрон, который перешел на дальнюю орбиту: атом еще существует, но уже в критическом состоянии. Еще один квант внешнего воздействия, и электрон оторвется.

Вначале у нее наступил период лихорадочных сомнений. Артур отмечал то ее порывистость, то внезапное торможение, редкие всплески страсти на фоне постоянной замкнутости. Он делал шаг навстречу, она отстранялась. У нее появилось отчуждение. Ну, и как ему с этим справиться? Под машину попасть или стать долларовым миллионером? Когда дело касалось его лично, он не брался выигрывать у судьбы, он молча переживал.

Людочка пребывала в нерешительности.

– Только бы пережить эту зиму! – повторяла она.

Ей казалось, что лето все расставит по своим местам, что оно горячим солнцем, длинными деньками, запахом левкоев развеет зимний сумрак забот и тревог. Скорее бы вернуться в лето из зимы, как из ссылки. Летом придут каникулы и созреют умные мысли. Споткнувшаяся было жизнь вновь потечет, как кинофильм.

Но в Москве пахло сырым снегом, и в небе на северо-западе матово повисла комета Хейла-Бопы. За полночь то там, то здесь подавали голоса поставленные на сигнализацию машины. Як писни спивают...

Ей снился Артур. Лето, еще светло, они лежат рядом, укрытые только одним законом единства и борьбы противоположностей. Артур совсем близко, так близко, что ей трудно устоять, но рассудок останавливает ее.

– Нет, не сегодня, – шепчет она. – Никак не сегодня.

– А когда?

– Завтра. Давай завтра. Завтра я буду, как шелк. Вот увидишь.

– И будешь?..

– Да, все, что пожелаешь.

– И?..

– Да, да, да.

Бродящие во сне мысли заставляют ее уже в реальности прильнуть к Артуру. Тот, путая сон с явью, дарит ей чудесную виртуальную реальность или реальную виртуальность, восторг в полусне. И ее сонные мысли обретают форму здесь и сейчас, будто уже наступило предвкушаемое «завтра» и ожидаемое лето.

Днем она чувствовала, что в ней зреет беспокойство, расцветает раздражение и желание перемен. Профессия влияет на характер. За годы преподавательской работы она стала тверже, трезвее, в ней проснулось самолюбие. Работая со студентами, она привыкла к тому, что ее слово – закон, что студенты любят или побаиваются ее, а если и дерзят, то скорей для того, чтобы добиться ее внимания.

Ее знакомый профессор с кафедры физики твердого тела, тот, которого когда-то приметил Артур, давно сменил дубленку на утепленную куртку, а ондатровую ушанку – на черную вязаную шапочку-презерватив. Он называет Людочкины порывы сменой вех.

– Тэмпора мутантур, – говорит он, – эт нос мутамур ин иллис. Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Женщина в силу интуиции чувствует ветер перемен сильнее, чем мужчина.

Людочка с тонкой усмешкой слушает его латынь. Она с ним не церемонится.

– Что предлагаете? – она спрашивает, слегка приподняв брови.

Интуиция женщины давно подсказывает ей, что профессор к этой женщине неровно дышит.

– Держаться потока, – отвечает он.

– А конкретно? – голос Людочки звучит все еще насмешливо.

Профессор делает серьезное лицо.

– Вот вы смеетесь. А у меня есть что предложить. Согласитесь, наука умерла, однако у нас с вами еще есть время использовать новые вызовы. – Он смотрит ей в глаза. – Есть два выхода: уйти в бизнес и уехать за границу. Подождите, подождите, не смейтесь. Понимаю, что насчет заграничной все проблематично и продолжительно. А вот бизнес...

– Ну, какой из меня бизнесмен... бизнесвумен?

– Я не предлагаю вам стать сразу бизнесвумен. Я предлагаю пойти в бизнес.

– Каким образом?

– Очень просто и очень натурально. Сейчас объясню. Дело в том, что мне дают кафедру в одном коммерческом вузе. Он только открывается и будет учить студентов на платной основе,

как на Западе. И зарплаты у преподавателей будут соответствующие. Мне требуется штат опытных преподавателей. Как вы? Не хотите воспользоваться таким вот выходом?

– Но вряд ли в таких вузах изучают физику, – Людочка не говорит «нет», просто сразу находит возражение.

– Да, физику не изучают. Математику, понимаете, математику. Да и то – на элементарном уровне. Слабенький матанализ, немного теории вероятности, основы математической статистики. Все по силам. Вуз-то – экономический.

Людочка в задумчивости закусывает губу. Глаза профессора следят за ней.

– Вы – искуситель, – говорит она. – Мне надо с мужем посоветоваться.

– Советуйтесь. Он – здоровый человек. Уверен, он меня поддержит.

Людочка пожимает плечами, взгляд ее становится рассеянным.

– Мы еще вернемся к этому разговору. – Профессор ласково пожимает ей локоть и оставляет ее одну.

Людочка не торопится разговаривать с Артуром на эту тему. Она оберегает в душе надежду на новую жизнь и на идею профессора, породившую эту надежду. Она пускает их в рост, дает возможность им окрепнуть и черпает в них силы. Ими надо запастись, чтобы иметь некоторое преимущество при разговоре с мужем. Артур, с ее позиции, никак не мог приспособиться к обстоятельствам, чего-то ждал, озирался и вообще сдулся. Он, собственно говоря, и олицетворял то раздражение, которое она испытывала последнее время. Она была сердита на него и разочарована настолько, насколько это было ей свойственно, то есть в ней появилась некоторая холодность и ирония.

Наиболее сильно ее чувства проявились, когда в один далеко не лучший день Артур заявил ей, что зарплату давно не платили, денег на метро у него нет, а потому сегодня на работу он не пойдет. Людочка не вытерпела:

– Ну, откуда это в тебе? – Она неодобрительно взглянула на него.

Артур сразу понял, что оплошал. Времена изменились. Лимит сочувствия исчерпан.

Людочка с торжеством достала кошелек. Артур смотрел исподлобья.

Опомнись, улыбнись, погладь по плечу, погрози пальцем.

Не захотела. Бросила деньги на тумбочку в прихожей и, не прощаясь, хлопнула дверью.

Артур оделся и, не притронувшись к деньгам, тоже вышел.

Он теперь, как поющий зимой, – всегда рискует. Когда любят, тогда и недостатки хороши, а вот когда нет – и достоинства не в счет. Воспользовалась возможностью, чтобы унижить его. Возмутиться, одернуть ее?

Артур пожал плечами.

Получив по одной щеке, подставить другую? Падающего подтолкни? Ударит или нет? Получается – ударила. Но это же – его Людочка! Она заблудилась во времени, когда привычное уносится потоком и на месте привычного остается пена. Не всем по плечу держать давление перемен и не потерять себя. Она изменилась? Пожалуй. Но, не изменяясь, не развиваясь, человек чахнет. Разве не так? И вообще, всякая система...

Тут Артур постепенно перестал думать о Людочке, думать о ней сейчас больно, лучше думать о чем-нибудь другом, о неравновесной термодинамике, например.

Он шагнул по направлению к Садовому кольцу, а Москва, улица, погода не давали как следует сосредоточиться. Артур прыгал через лужи и зорко следил за приближающимися машинами. Чуть зазеваешься, и тебя обрызгают с ног до головы.

Уборка снега в Москве весьма условна. Вот ты проходишь метров пятьдесят по вычищенному тротуару, затем по щиколоткуходишь в снежную кашу, размешанную пешеходами. Идешь долго, проваливаясь, скользя и спотыкаясь, и вдруг опять расчищенный участок. А что с мостовыми? Они вроде бы расчищены. Посередине. А ближе к тротуару – снег и вода. Троллейбус останавливается поодаль, и, чтобы к нему подойти, люди бредут в жидкой каше из

воды и снега, черпая обувью холодную воду. Наверное, тот, кто за все это отвечает, никогда не ходит по улицам и не ездит в троллейбусе.

«В физике, – думал Артур, – есть понятие малого параметра, величины, значением которой можно пренебречь. Ну, там, если он составляет одну двадцатую или даже одну десятую от основной величины. Иногда, могу сказать по секрету, соглашаются и на одну шестую. Короче, десять – пятнадцать процентов – уже малая величина. Но это в физике. А теперь представьте себе, что вам проложили прекрасную, сухую, твердую дорожку длиной пять километров. Идет себе Красная Шапочка в белых гольфах к бабушке по такой царской тропе и радуется. Пять километров проложили, а пять метров схалтурили, и эти пять метров занимает огромная и грязная лужа. И все! Были гольфы белыми! Ну, совсем малый участок, не десять, всего одна десятая процента. Лесная тропа была бы лучше этой замечательной дороги».

На двух троллейбусах и одном автобусе Артур добрался до работы. Зайцем. Или белым кроликом. Опоздал настолько, что к таким опоздавшим охрана уже не придиралась, считала, что они просто возвращаются из местной командировки. Впрочем, в охране у Артура был блат – Зиночка. Та самая, которая служила еще на Самокатной. Он послал Зиночке что-то вроде воздушного поцелуя, лихо миновал охрану и заскользил по искусственному мрамору вестибюля. На Самокатной Артур был главным, а здесь – просто сотрудником. Зато Зиночка теперь – начальник смены.

Она что-то писала. Когда он проходил, она взглянула на него поверх очков, сняла их и вышла через отдельную дверь в вестибюль. На ее зеленых петлицах поблескивали маленькие скрещенные винтовки. Галстук, как кулон, висел на тонкой шее. Дешевые туфли на высоком каблуке уверенно ступали по скользкому полу. Артур приостановился.

– Привет!

– Привет. – Она стояла крепко, слегка расставив ноги. – Опоздываешь?

– Все равно работы нет. Хотел сегодня вообще не приходить, да жена застыдила. А чего ходить-то? Зарплату не платят. Ты-то чего ходишь?

– Нам платят.

– Вот-вот. Вам во все времена платят исправно.

– Ты лучше завтра не приходи, – сказала Зиночка. – Завтра проверка. Приказано составить список всех опоздавших.

– Ну, правильно. Будут лишать премии. Выталкивают нас полегоньку. Ждут, когда нам все надоест и мы сами уволимся.

– Потому что вы не нужны больше.

– Ага! Зато вы очень нужны! Если нас не будет, вам-то что делать?

– Найдется что. Мы, Артурчик, всегда нужны. Будь покоен. Нас и в частные предприятия берут. Я же говорю: мы нарасхват.

– Слушай, ты чего, похвалиться решила? За предупреждение спасибо.

– Нет. Это все ерунда. Я сказать хотела. Все! Его усыпили.

– Да ты что!

Лицо Зиночки сморщилось, она отвернулась, помахала на лицо руками. Артур знал, что ее любимый старый пес, настоящий, сторожевой, в последнее время стал болеть, и вот болезнь оказалась смертельной. Пес был единственным преданным другом Зиночки.

– У меня завтра выходной. – Она еще держала невысохшие глаза широко открытыми, чтобы не потекла тушь. – Может, приедешь ко мне? Надо же с кем-нибудь помянуть. Ты ведь не занят? Тебя Феликс прикроет. Тяжело в пустом доме.

Артур устремил взгляд в дальний угол вестибюля.

– Знаешь что, – сказал он, – давай мы вместе с Феликсом приедем. Так даже лучше будет.

– А он сможет?

– Если я смогу, то он сможет в квадрате. Скажи когда.

- Когда? Я раньше двенадцати не встану.
- Тогда после половины второго? Феликс знает, где ты живешь?
- Знает. Он у меня летом машину оставлял.
- Заметано! – Артур пошел к лифтам.

Сколько лет прошло с тех пор, как они познакомились! Весьма своеобразно: она задержала его на проходной в строгие времена. Артуру повезло несмотря на то что его подставили, он сумел одержать над ней верх и выйти сухим из воды. Он всегда одерживал верх, и в конце концов она перестала видеть в нем классового врага. Этому поспособствовал Феликс, который был почти ее соседом: маленький домик Зиночки стоял сразу за мостом через Пехорку в старинной дачной местности совсем рядом с его Люберцами. Артур в этих местах неплохо ориентировался, ведь в тех же краях, чуть дальше, находилась Костина дача, и все эти названия: Люберцы, Томилино, Красково, Малаховка – были для него близки с самого детства.

8. Зона неопределенности

Домик Зиночки натянул на себя снежную шапку по самые уши. Артур с Феликсом, высоко поднимая ноги, с трудом дошли по снегу от калитки до двери дома. И тут неожиданно выкатилось солнце. Оно просто выбежало, оставив в раздевалке одежду облаков, по-весеннему раздетым, так школьница выбегает на перемене во двор с сияющими и немного сумасшедшими глазами, опьяненная голубым небом и чистым воздухом. Стало сразу тепло и празднично. На неммыслимой высоте березовые ветви притягивали к себе васильковую синеву, а потемневший скворечник прямо на глазах светлел лицом.

Артур снял пальто и в охотку принялся чистить дорожки от снега. Так же он махал лопатой у Кости на даче. Все как всегда. Ничего не меняется.

Не совсем. То там, то здесь среди старых дощатых и бревенчатых домиков стали появляться обстоятельные кирпичные дома. На месте деревянных штакетников возводились сплошные стены, за которые не заглянешь. К автоматическим воротам вели асфальтированные подъезды для машин. Это были признаки другой жизни. Кто же будет жить за этими стенами и воротами? Там охрана и вольеры с овчарками, телекамеры и «мерседесы» со слепыми стеклами, они бесшумно заплывают в ворота, как инопланетные корабли пришельцев.

– Давай заходи уже! – Зиночка вышла на крыльцо в черной шинели с зелеными петлицами. – Все готово. Водка стынет.

– Иду! – Артур счистил снег с пустой собачьей будки.

В доме тепло пахло вареной картошкой. Феликс консервным ножом вскрывал банку с сайрой.

– Ну, зачем столько навезли?! – пеняла им Зиночка. – Что ж я, вам не нашла бы ничего? Вы ж сидите без зарплаты.

Артур привез из старых запасов водку, которая сохранилась еще с начала девяностых, когда ее давали по талонам.

Феликс прихватил из дома несколько банок домашнего соленья: грибочки, огурчики.

– Кайф! – произнес Феликс, открывая очередную банку, которая распространяла острый аромат.

Он сел, снял в одно касание с водки пробку-«бескозырку» и наполнил рюмки.

– Ну, не чокайся! За друга! За верного друга!

Выпили. Феликс верховодил.

– А! Картошечка?! Отличненько! Давай, Порт-Артур, картошечки положу. Первое дело для водочки – картошечка! Ты, Зинуля, не печалься. Твой Мухтар жил достойно и умер достойно. Не под забором и не под машиной. Дома, от старости. О чем ты говоришь?! Людидохнут как мухи! Небось, кажин день видишь некролог на проходной. Вот еще мы с Порт-Артуром задержались малехо. Все, чему жизнь отдали, все, что сделали, все – коту под хвост! Не живем – выживаем. Ну, давайте еще по одной! За то, чтобы выжить назло всем!

Артур чувствовал, как от тепла и от работы на свежем воздухе у него на щеках проступает румянец. Глаза его заблестели, он чуточку захмелел. Ему не хотелось говорить, – просто поесть горячую, простую и сытную еду, он с удовольствием раскусывал горошинки черного перца, которые попадались в соленых опятах.

– Я те говорю, – как из репродуктора вещал Феликс, – я те говорю: Ельцин – не настоящий. Это – его двойник. Ельцин умер на операционном столе. Нам врут. Нам всегда ввали и будут врать! Ельцин – бывший коммунист, а коммунисты всегда ввали. Я те говорю: они вечно лгали. Скажешь, нет?! Веллкам! Кто делал Великую Октябрьскую революцию? Ленин? Ложь! Лева Троцкий. Лгали с самого начала. В мелочах и по-крупному. Каменев, Зиновьев, Рыков, Бухарин – шпионы? Может, и Берия – шпион? А что болтают про Сталина? Сталин – отец

народов, Сталин – вон из мавзолея, Сталин – великий полководец, Сталин – лжец и отец лжи, Сталин – красный император, Сталин – убийца. Скажешь, давно было. Хорошо! А что сейчас? Умиравший Ельцин идет на выборы с нулевым рейтингом, так? Зюганову проиграл, а поздравил себя и всех, соврамши! А Зю? А Зю проглотил, крокодил, и тоже поздравил Ельцина с победой. Ну, настоящий коммунист! И врут, что они левые. Они правые, они консерваторы, и консервант их – ложь! Еще Ленин говорил: что лево, что право – одна мутота. Они – самые настоящие правые. Правее только фашисты. А все почему? Кто революцию делал?

– Кто?

– Кто-кто? Лейба Бронштейн и Моня Апфельбаум. Вот она, их команда! Хорошо, что их Сталин прижал. Жаль не успел довести дело до точки. Только замахнулся, чтобы вдарить сапогом по копчику, так тут же и умер. Вот тебе – история! А ты говоришь! Нет, ты посмотри, посмотри! Почему всегда так? Почему всегда так быстро кончается водка?!

– Не волнуйся, – сказала Зиночка. – У нас еще есть. Я ее просто в морозилку положила. – Она повернулась к Артуру: – Ты ничего не ешь. Что тебе положить?

Артур, захмелевший от еды больше, чем от водки, качал головой: мол, не суетись, все хорошо. Ему на самом деле было хорошо. Он слушал привычные речи Феликса, ловил украдкой брошенные взгляды Зиночки, узнавал запахи старого деревянного дома. Когда-то здесь топилась печь, в ней варилась пища в чугунах, чугуны принимались длинным ухватом на деревянной ручке. Эх, завалиться бы сейчас на продавленный диван, который оккупировал Феликс, и поспать минуточек шестьсот!

– О'кей, Порт-Артур! Скажешь, я все упрощаю?! – неистовствовал Феликс. – Возможно! Но иначе с места не сдвинешься. Будешь топтаться и переминаясь. Тебе это в кайф?! Нет?! И мне нет! Надо определяться, кто твой классовый враг. Америкосы – они уже все распланировали. Знают, что, как только нефть станет дороже сорока долларов, им кранты! Оседлали Ближний Восток. Повоевали малек и прикинулись шлангом. Я тебе говорю: Америка делает свой пиар. На самом деле она, как змея, сбросила кожу и шагает себе дальше!

Зиночка спрятала смешок в горсти. Феликс посмотрел на нее.

– Надо понимать, – продолжал он, – где мейнстрим. Направление, так сказать, главного удара. Нефть, черное золото. Зачем, ты думаешь, война с Чечней затеяна? Затем, чтобы нефтепроводы на Запад шли там где надо. Сталин бы за один день проблему решил. А Боря Ельцин с Масхадовым в обнимку ходит, его папаху нюхает. А тот всю жизнь нормальным человеком был, советским офицером, а как стал президентом Чечни, ходит в рубашке без галстука и в помещении папаху не снимает, как урюк какой-нибудь. Смеху подобно! Я что хочу сказать? Я хочу сказать, что пора выпить за женщин. Хорошо сидим!

Артур посмотрел на Зиночку. Зиночка смотрела на Артура. Закуска пахла укропом и подсолнечным маслом.

«А еще хорошо, – подумал Артур, – еще хорошо бы послать куда подальше всю сложность этого мира, которая только порождает неуверенность и печаль. Видеть то, что видится, смотреть, а не вглядываться, слушать, а не вслушиваться. Зачем ему знать, что такое квантовые состояния, для чего нужен оптимальный винеровский фильтр, как связаны энтропия и информация и чем отличается провайдер от браузера? К чему никому не нужные знания, чем больше которых, тем громче они вопят: ах, как мало мы знаем?! Чтобы пришло понимание неуловимости истины? Мы только тогда видим истину, когда она отстреливает тепловые ловушки банальностей».

Он, не одеваясь, вышел на крыльцо, вдыхая подмороженный воздух, подставил горящие щеки последним лучам сдавшего дневное дежурство солнца. Снег с узором из синих теней источал запах весны. Вот мы и пережили эту зиму.

Может, и пережили. Только вот подошли к весне каждый сам по себе. Людочка сама по себе, Артур – сам по себе. Людочка серьезно предложила Артуру какое-то время пожить у

матери. Она приняла решение. В кибернетике есть такой специальный термин – ЛПР, то есть лицо, принимающее решение. Ну, почему, почему некоторые думают, что они – ЛПР?! Сколько бы бед, невзгод и просто неприятностей удалось бы избежать, если бы не это их заблуждение! Способны ли они оценить все факторы, продумать последствия, готовы ли нести ответственность за решение. Знают ли, что все надо полагать существенным, пока не установлено обратное? Нет, не знают.

«Все ты усложняешь, хлопче», – сказала бы Людочка. Не надо усложнять. Артур посмотрел на небо и отыскал первые звезды. Они были на его стороне неба, а с другой стороны небо освещала Москва. А здесь был вечер, снег и тени деревьев. Здесь было так просто и... земля близко.

Когда лежишь на земле, все надежно, падать больше некуда. Можно лежать и смотреть в небо. Просто лежать и смотреть. И не надо знать, что небо голубое потому, что коэффициент молекулярного рассеяния обратно пропорционален четвертой степени длины световой волны. Лежать на донышке неба. Ты выпал в осадок. Тебе не нужен закон Рэлея. Остались одни понятия. Ты на донышке, и тебе хорошо. И пусть же никто не сравнится с тобой в скромности.

Артур жил у матери, когда вернулся с другого полушария Костя. Там вахту у него принял Виталик. Вечером следующего дня Костя был у Марины с Артуром.

И снова они, как когда-то, сидели на кухне квартиры на Старой Басманной, и в форточку бился весенний ветер, пели тормоза на Разгуляе, и, жужжа, под окнами стрелой проносился троллейбус.

– Ну, как там люди живут? – допытывалась Марина.

– Пожалуй, получше нашего, – отвечал Костя. – В смысле – более толково.

– Например?

– Например, там если есть магазин, то обязательно есть и подъезд к нему и стоянка для машин тоже. Для маленького – маленькая, для большого – большая. Если есть очередь перед окошечком, то на полу нарисована черта, и ее переступают, только когда подошла твоя очередь. Если ты кому-то позвонил и не дозвонился, то тебе обязательно перезвонят.

– Скучно как-то!

– Ну, знаешь, Марин, искать приключений в быту – это, по-моему, мазохизм. И чего мы на них взъелись?! Из-за того, что их рациональность, я имею в виду в практической сфере, оказалась более удачным подходом, чем у других? Их подход к жизни более конструктивен, более приспособлен к реальности. Я считаю, из-за особенностей веры. Никто же не говорит, что у них лучше всех по части жизни небесной, но по части земной, видимо, они все-таки не промахнулись. Недаром весь мир берет за образец, копирует именно с их матриц автомобили, самолеты, небоскребы, одежду, кинематограф, телевидение, компьютеры. А чьим календарем все пользуются? А чьей системой мер и весов? Чего уж тут становиться в третью позицию и принимать оскорбленный вид! Прими это спокойно. Может, лучше вначале все-таки научиться не бросать мусор из окон, а потом говорить о духовности?!

– Мне надо самой съездить, – не сдавалась Марина.

– Вот это – правильно! – сразу согласился Костя. – Меня как раз другое интересует, – продолжал он. – Я видел политику, которая плавает вся на поверхности, как кусок пенопласта. Это не айсберг, который просматривается только на десять процентов. Я хочу уловить идею, метафизику, которая ее рождает. Вот в чем вопрос.

– Типа чего? – вмешался Артур.

– Типа построения красной империи или идеи языческого империализма или евроинтеграции. Такое впечатление, будто одна эра ушла, а другая еще не наступила. Пока что видно, что накапливаются информационные технологии, мы втягиваемся в царство инфраструктуры. Согласен?

– Давай выпьем?

– Обязательно!

– Любишь ты все усложнять, – это уже Марина.

– Мам, тебе же известно, что сложные системы не любят простого анализа и только они способны к самоорганизации. – Артур двигал к себе миску с квашеной капустой. – Можно я рукой возьму? – Он зацепил капусту и вместе с кусочками льда отправил ее в рот.

– Именно. Одна проблема цепляет другую, – это Костя.

– Что вам сказать, мужчины? Не проблема цепляет проблему, а случайность цепляет случайность. За каждым шагом идет следующий. Что было до того, нам нет дела. Это еще как-то называется, не помню как.

– Ну, мам, ты даешь! Бьешь в яблочко! Это называется марковским процессом.

– Точно! Я уже позабыла.

Артур не смог удержаться от обобщения.

– Друзья мои, – он обращался к матери и крестному. – ледиз энд джентльмене, вы представляете два противоположных взгляда на действительность. Одна стоит за фатальную цепную случайность, а другой – за тщательно скрываемую предопределенность.

– И истина – посередине?

Артур покачал головой.

– Увы! Посередине всякий раз оказывается не истина, а проблема, – сказав это, Артур поднялся и пошел в ванную мыть руки.

Костя перевел глаза на Марину.

– Как он? – Костя покосился в сторону ванной.

– Держится.

– Я скоро на дачу собираюсь. Давай возьму его к себе. Там природа. Перемена места. Как думаешь?

– Ты предложи. Я думаю, ему это только на пользу пойдет. Пусть отвлечется.

– Аминь, – сказал Костя.

– Вы чего тут? – спросил Артур, возвращаясь в кухню.

– Ничего, – сказала Марина. – Садись... Костя, налей еще. Что-то вы совсем у меня не пьете и не едите!

Когда стало темнеть, Костя засобирался домой. Артур пошел его провожать.

Большой лапой весна нежно сжимала сердце. Подсиненный вечерней ясностью воздух слегка пружинил. Его подгонял легкий, мятно-прохладный ветерок. Можно расстегнуть куртку, сунуть руки в карманы и идти себе навстречу закату. Идти, развернув плечи, приподняв подбородок, ловя отблески розового света в разрезе между домами.

При Сталине по этой улице ходил трамвай. Костя это помнил, а Артуру достались только остатки трамвайных путей вместе с высланной булыжником мостовой. При Хрущеве мостовую заасфальтировали. При Брежневе построили два высоких дома. Вот они стоят, похожие на два белых паруса. А там, впереди, на пересечении улицы с Садовым кольцом стоял кинотеатр «Спартак». Он находился на втором этаже двухэтажного здания, а на первом был большой магазин. Здание сломали. И еще несколько домиков пошло на слом, в них тоже были магазины – молочный, часовой, галантерейный. На этом месте поставили большой кинотеатр «Новоросийск». Он должен был напоминать о местах, где воевал Брежнев. Перед входом в кинотеатр установили тяжелый чугунный якорь.

Ничего не построили при Горбачеве, ничего при Ельцине, только стали менять названия магазинов. Что за время?!

– Смутное время, – сказал Артур.

– Да, – сказал Костя.

Они помолчали. Ветер на Садовом кольце вовсю фрондировал, ходил колесом, как акробат на арене. На перекрестке автомобили танцевали свою кадрили. Они лишь изредка нару-

шали движения танца и убегали налево к Курскому вокзалу. Маэстро-светофоры в сиреневых сумерках светили особенно ярко.

Большой кинотеатр – это хорошо, но все-таки жаль было маленьких магазинчиков.

– Я, – сказал Костя и кашлянул, – я, когда ушла Ирина, почувствовал себя каким-то инвалидом, будто потерял ногу или правую руку, не мог привыкнуть, как жить дальше.

– Да, – сказал Артур, – что-то похожее действительно есть.

– Фантомные боли остаются на всю жизнь, – сказал Костя.

– Сейчас – просто рана, – сказал Артур.

– Да, – сказал Костя. – А что, обратно не приставишь?

– Кажется, она нашла другого.

– Не ревнуешь.

– Нет, что ты! Сожаление. Оно все выжигает.

– Да. Сожаление выжигает все иные чувства. Ты прав, – Костя опустил голову.

Теперь они шли по левой стороне улицы.

– Сколько это может продолжаться? – спросил Артур.

– Что?

– Боль.

– Боль? У меня она была долго. Очень долго. – Костя шагнул, глядя на свои ботинки.

– Сколько?

Костя выпрямился.

– Сколько, сколько?! Шесть лет постоянного присутствия. Но ты – не я! Жить надо, понимаешь? Жить! Пока ты в деле, ты, считай, на излечении.

Артур вздохнул.

– Живи так, как будто тебе в следующий час отправляться в путь. И отправляйся. Не отказывайся. Откликайся на призывы. Вот твоё лекарство, Артур.

Костя похлопал его по плечу.

– Со временем все будет выглядеть в ином свете. И этот свет будет настоящим, потому что сейчас он во многом, поверь, выдуман тобой. Слишком много тебя для объективности.

– Понятно! – сказал Артур уныло.

И все-таки, когда такое случается не у тебя одного, когда люди прошли через это и победили боль и бессилие, становится легче на душе и появляется надежда излечиться.

– Понятно? Чего тебе понятно? – весело сказал Костя. – Ничего тебе не понятно. Слушай сюда! Мы с тобой скоро поедем жить ко мне на дачу. Тебе ведь там всегда нравилось. Подальше от этого шумного города. Весна, брат, на носу! Все цветет и благоухает! А? Как тебе?

– Ну, в принципе неплохо, – стал поддаваться Артур.

– Неплохо?! Прекрасно! В путь, Артур, в путь! Возьмите нас с собой, туристы! Отказы не принимаются.

– Пожалуй, не откажусь, – согласился Артур. – Когда стартуем?

– Скоро. Вот с погодой разберемся, и – вперед.

Они миновали гостиницу «Урал».

– Послушай, Костя.

– Да?!

– А сейчас? Уже ничего?

– Сейчас? – Костя с силой потянул носом воздух. – Нормально, Артур! Нормально! Как говорится, все забыто и пропито! Жизнь прошла, как прошли Азорские острова!

– Хм! Онегин жил анахоретом?

– Точно! А что делать? Каждый проживает *свою* жизнь.

Артур помолчал, затем тоже выпрямился и тоже потянул носом воздух.

– Весна-а! – мечтательно зафиксировал он очевидный факт. – Эх, значит, едем на дачу?!

Костя взглянул на него.

– Вот это – другое дело! – сказал он. – Вот так, как говорится, будет – типично!

Они свернули к Чистым прудам, где еще не растаял снег.

Проводив Костю, Артур не торопясь шел обратно. Стемнело, и фонари цепочками уходили вдаль. Цепочка белых, цепочка желтых. Холодно-огненные, как белые и желтые хризантемы. Ветер ласковым котом шутиливо тыкался лбом в затылок.

«Все образуется, – успокаивал себя Артур. – Когда-нибудь все образуется. В жизни каждая фраза кончается многоточием. Но это не смертельно. Только смерть ставит точку. Все может вернуться, все можно исправить, а если не сложится – значит, так тому и быть...»

А может, и смерть не ставит точку? Не знаю. Я бы предпочел ясность. Лучше бы уж ставила. Вот эта неопределенность – хуже всего! В жизни – неопределенность, и на тебе – в смерти тоже неопределенность! Что там, за гранью? Зеленая страна вечной охоты или темные казематы? Прозрачные родники и вечное лето или дикая теснота напуганных и агрессивных душ?

Здесь, конечно, не всегда сладко, иногда – даже очень горько. Жизнь прекрасна и ужасна одновременно, но она конечна. Что, если смерть сулит ужас без конца?!

Увидим ли мы после смерти тех, кто был нам дорог здесь? Сможем ли прийти на помощь, если они в беде? Или там каждый сам за себя?

Нам остается только мужественно смотреть в глаза и жизни и смерти. Вот и все наше оружие! Мужественно и, вероятно, глупо. Мы держим в руке шпагу, но не знаем, какое оружие у них. Гамлет сражался с Лаэртом, не зная, что у Лаэрта шпага с отравленным клинком.

Ясно одно: мы, несмотря ни на что, любим жизнь, а она нас – не очень, и мы не любим смерть, а она нас любит, очень любит. Верно и не требуя взаимности».

Вот так, строя догадки, Артур шел, погрузившись в весну, как в теплую ванну. Как всегда бывает весной, было рассветно и горизонтно и немного тревожно. И будущее, как флаг, полоскалось впереди на ветру.

Нам скажут: нет ли здесь банальности? Возможно!

Но банальность – это единственная вещь на свете, которая по праву претендует на то, чтобы именоваться истиной.

Часть вторая Антитеза

1. Старая площадь

Комплекс зданий на Старой площади, где раньше размещался аппарат ЦК КПСС, где по ковровым дорожкам, сообразно обстоятельствам, осанисто передвигались или, торопясь, сменяли вожди и члены Политбюро, где работали Андропов и Суслов, Горбачев и Яковлев, этот комплекс зданий теперь занимала постперестроечная элита – администрация президента, – некое подобие той, старой, руководящей и направляющей. Раньше, например, вот тут находился комитет партийного контроля, теперь, пожалуйста, находится контрольное управление президента. На нем мы и задержимся ненадолго.

Здесь, в кабинете с высокими потолками, прохаживался невысокий худощавый человек. Он снял пиджак и, сунув руки в карманы брюк, изредка останавливался у окна. Снаружи зарядил обычный московский дождь, казалось, ему не будет конца. Холодные мокрые крыши не оставляли никакой надежды на лучшие времена.

Когда в кабинет вошел гость, хозяин сделал несколько шагов ему навстречу. Рукопожатие его было стальным и заставляло вспомнить о существовании слесарных инструментов. Вообще, в нем чувствовалась хватистая сила, притом что взгляд он опустил и сузил, как бы скромно потупившись.

Гость был полной противоположностью хозяина: дороден, рыхловат, с бородкой и в клетчатом пиджаке. Добродушен, но с цепким взглядом. А рука – мягкая котлетка.

Хозяин расположился за столом, пригласив гостя присесть. Гость говорил, он терпеливо слушал, скосив глаза и накрыв ладонь ладонью.

– Да, я в курсе, – сказал он, после того как гость закончил. – А когда истекает срок аренды?

– Еще восемнадцать лет.

– Неплохо устроились!

– Вот и я говорю! Это, фактически, наш главный актив. Без него наши акции и рубля не стоят.

– Ну, не прибедняйтесь. За реноме или, как сейчас говорят, за бренд тоже надо платить.

– Бренд брендом, но владеть зданием на Невском – это чистые деньги, – не удержался гость.

– Верно! – хозяин кивнул. – Однако юридически вы утратили свое право. И нам стоит подумать, как выйти из сложившегося положения с наименьшими для вас потерями.

– Они там, в Питере, арбитраж готовят.

– Да, да, конечно. Это очень... в духе времени, – хозяин усмехнулся.

Гость только рукой махнул.

– Против КУГИ, – сказал он, – мы, может, суд и выиграли бы. Но там есть третье лицо. Собственно, новый владелец здания.

Хозяину кабинета не надо было объяснять, что КУГИ – это комитет по управлению имуществом города Санкт-Петербурга, хозяин отлично это знал.

– Я подумаю, – сдержанно отреагировал он.

Гость попытался поймать его глаза.

– Ага! Премного благодарен!

– Подумаем, – повторил хозяин.

Гость понял, что разговор на этом закончен.

– Вот и ладушки! – сказал он, хлопнув себя по коленям и вставая. – Ну, я надеюсь!

– Будьте покойны. – Хозяин сдвинул железной пятерней «котлетку» и довел гостя до двери кабинета.

Вернувшись к столу, он снял телефонную трубку, подождал, когда его соединят, и развалился в кресле.

– Салют, друг-портянка! Как сам-то?! В форме?! Ну-ну! Слушай, были тут у меня по поводу вашего здания. Нашего здания? Приятно слышать. Ты не очень-то резвись! Короче, они надеются на мою помощь. На суд? На суд – нет, не надеются. Бизнесмены тупорылые. Не надо было сопли по щекам размазывать. Сами продули вчистую, по полной! Ноты вот что! Ссориться с концерном не надо, понял? Они ж догоняют, что их развели на бабки. Слушай, мирно бы разойтись. По понятиям. Компенсация нужна. Да. Только, сам понимаешь, не юридическому лицу, а физическому. Да. Не юрику, а физику. Это и более действенно, и в разы меньше. Вы там подумайте, во что это выльется. Я? Нормально! Давай! Ага! И тебе не хворать!

Отзвонившись, он встал и прошел в угол, где стояла блестящая пудровая гирия. Легко подхватил ее за ручку и подбросил вертикально вверх над головой так, чтобы доньшко гири было обращено к полу. Гирия в свободном полете на мгновение зависла в воздухе, начав движение вниз, и тогда он ловко подставил поднятую руку под доньшко. Шестнадцать килограммов удобно устроились на поднятой над головой ладони. Подержав гирию, этот спортивный мужчина средних лет хмыкнул и опустил снаряд, перехватив его левой рукой. Потом он выпрямился, подпернул пояс брюк и опять подошел к окну.

На улице все еще было сыро, но подошвы крыш уже высохли, а это значило, что дождь прекратился.

Москва, Москва... всего несколько месяцев назад он и не думал, что окажется в столице, да еще в бывшем здании ЦК партии. Хотя, может, и думал. А почему бы и нет?! Не он первый прибыл в Москву из Питера по лыжне, проложенной Чубайсом. Не он последний.

Что тебя несет по жизни? Судьба? Без судьбы, конечно, никак! Но и сам не будь валенком. Найди покровителя. Ведь даже небожители всегда нуждаются в верных слугах. Ключ к карьере – коммуникабельность и скромность. Идти к цели, спрятав взгляд. Твердо и решительно. На всякий взгляд всегда найдется свой взгляд. А вот когда идешь твердо, а твоих глаз не видно, вот тогда ты вызываешь чувство тревоги, читай, уважения.

Со студенческих лет он помнил свой первый опыт. Их группа собирала в поле картошку, а ребята из другого отряда, спеша поскорее уйти на обед, воспользовались их пустыми корзинами. Его пустыми корзинами! Он пошел на них один, молча, худенький светлоголовый мальчик. Правда, они не знали, что он кандидат в мастера спорта по самбо. Перед ним сразу выросла фигура метр девяносто ростом, а он ее будто и не заметил. Практически он даже не остановился: сбил фигуру на землю, штатно выполнив зацеп ногой, перешагнул через нее и двинулся к тому, кто взял корзины, глядя не в лицо, а на его руки и ноги. Тот выпустил из рук корзины, попятился, споткнулся и упал. Осталось, все так же, не поднимая глаз, деловито подхватить лежащий реквизит и вернуться к своим. «За что ты их так?» – прикрывая смущение иронией, встретили его свои вопросом. Салаги!

В этот самый час Костя вошел в здание на Старой площади. Здесь он был всего один раз. Это случилось в период подготовки той самой концепции объединения Европы, которую он готовил по поручению Андропова. Тогда он самого Андропова не застал и встретился с его помощником. Концепция проходила под шифром «Русская Голгофа» и скрывалась под легендой анализа великих революций. Позже «Голгофа» считалась составленным, но утраченным таинственным планом Андропова. Костя дважды встречался с ним, но оба раза – на квартире.

Сегодня Костя приехал в администрацию президента по приглашению своего приятеля. Приятель хоть и читал когда-то историю партии будущим офицерам КГБ, но в годы пере-

стройки потянулся к «демократам» и даже ездил в Ленинград на заседания неформального экономического клуба, где познакомился с Чубайсом, Кохом, Кудриным и другими молодыми образованными людьми. Теперь он, несмотря на пенсионный возраст, по мере сил трудился невеликим чиновником в администрации новой власти. С Костей он хотел обсудить вопрос о захоронении семьи Романовых, с тем чтобы безошибочно расставить акценты, когда придет день общаться с церковными иерархами и членами семьи царской династии.

Первым делом он повел Костю в столовую. Они шли по коридору, и на повороте им повстречался известный нам хозяин кабинета, который оставил на время кресло, телефон, бумаги и свою пудовую гирию. В скромном костюмчике он выглядел неприметно, однако шел уверенно, чуть раскачиваясь на ходу, и все с ним здоровались. Столкнувшись с Костиным приятелем, он остановился и протянул руку, затем протянул руку и Косте. Приятель представил Костю и не отказал себе в желании похвастаться, сказав, что Костя был хорошо знаком с Андроповым.

Рука нового знакомого твердо сжала Костину руку. Костя ответил, совсем чуть-чуть, чтобы не выглядеть невежливым, но его ответное рукопожатие напомнило, что на свете есть вещи и потверже стали. Тот улыбнулся.

– Контора рулит! – сказал он, дотронулся до Костиного плеча и пошел дальше.

– Наш человек, – сказал Костин приятель. – Из внешней разведки.

За обсуждением доклада Комиссии Священного синода по канонизации царской семьи Костя забыл об этой встрече. Вспомнил только через год, когда узнал, что оказалось – он познакомился с будущим директором ФСБ, то есть фактически со вторым Андроповым.

Как этот спортивный чиновник стал директором ФСБ?

Он обратил на себя внимание президента своей верностью и решительностью, когда с блеском и гораздо чище, можно сказать, повторил операцию Скорцени, выполнив похищение своего патрона и бывшего мэра Санкт-Петербурга из рук Генеральной прокуратуры. Прокуратура зорко присматривала за экс-мэром, который лежал в госпитале. Побег за границу был осуществлен на финском санитарном самолете.

Семья президента тоже страдала от излишнего внимания Генеральной прокуратуры. Они расходились во мнениях по вопросу, насколько государственная цель может оправдать денежные средства семьи президента. Ельцин жаловался на генпрокурора тогдашнему директору ФСБ, но тот только разводил руками, показывая, что его руки скованы законом. Это чисто-плюйство хоть и заслуживало уважения, но все же надо было что-то с этим делать. И Ельцин, подумав и ничего не придумав, нашел себе нового директора ФСБ, чиновника президентской администрации, офицера действующего резерва, подполковника КГБ и мастера спорта («Борис Николаевич, своих не сдадим, чужих замочим!»).

Президент попал в десятку. Новый директор первым делом решил вопрос с генпрокурором: он пригласил его (или человека, похожего на генпрокурора) на конспиративную квартиру, где тот встретился с двумя очень привлекательными девушками. Девушки были в ударе, а записывающая встречу телекамера, напротив, в самом приличном состоянии.

Когда нужно убрать человека с глаз долой, из сердца вон, его проступки раздуваются до дурных размеров неуклюжего дирижабля. В противном случае действует всепрощающая корпоративная солидарность, и проступок стягивается в неприметную точку. Сцену с девушками показали по телевидению, и генерального прокурора сняли с должности. В кругу очень важных персон новый директор ФСБ приобрел авторитет человека и твердого, и решительного.

Складывается впечатление, что он поднимался по карьерной лестнице, будто сказочный принц к дворцовым дверям, и на каждой площадке стояли вазоны с цветами. Вовсе нет! Операция в стиле Скорцени всего лишь вывела его из-за спин других. Отсюда должность директора ФСБ даже не просматривалась. Его самого стало видно, и это был первый успех. Закрепить бы! В разгончик, в разгончик! Он стал подгонять время. Он подгонял время, подгонял подчи-

ненных, запрыгивал в служебный джип «гранд чероки» и мчался по зимней дороге, обгоняя машины, лишь стеклоочистители круто разделявались с брызгами снега и грязи, летящими в ветровое стекло. Сам бедовый, и водитель бедовый.

Отличная машина джип «гранд чероки». Сделано для Европы, на двухстах километров в час нормально дорогу держит. В пятницу, за неделю до Николе-зимнего, вечером джип привычно гнал по Минке – Минскому шоссе, легко обгоняя берегущиеся погодных условий «жигули».

– Еще один старик Козлодоев, – ворчал водитель. – Ну, куда ты? Сиди в своем ряду, Шумахер хренов!

«Жигули», на которые сзади внезапно с жутко горящими фарами наседали большой джип, суматошно бросались вправо, а джип, не снижая скорости, пролетал мимо, встряхнув воздушным потоком упрямо катящуюся по своим нелепым делам жестянку. Вот джип ловко ушел со «встрепки», подрезав очередную «шестерку жигулей», и не заметил, а может, и заметил, как «шестерка» ударила по тормозам, ее понесло зигзагами, она выехала на обочину и уткнулась носом в снежный сугроб.

Впереди была еще одна «шестерка», а за ней фура: грузовой «мерседес» ходко пер впереди «шестерки», а та изо всех сил старалась держаться за ним, но не слишком приближаясь, чтобы не попасть под шлейф несущейся за большой машиной снежно-капельной смеси.

«Ты-то хоть завянь!» – подумал водитель джипа, обгоняя «жигули» и готовясь к обгону фуры.

Для обгона пришлось опять залезть на «встрепку», однако впереди фуры шла еще одна, точно такая же. Они шли дружно на высокой скорости, влезть между ними не удавалось, а навстречу спешили фары какого-то недотепы. Надо было от него увернуться, и джип круто сманеврировал, попав, не прицеливаясь, в поспевавшие за ним «жигули».

Джип весил две тонны, и потому «жигулям» разнесло слабенькую заднюю дверь, их выбросило с дороги, и они, потеряв на глубоком снегу скорость, въехали в столб.

У джипа лопнуло колесо, и он тоже остановился. Его водитель посмотрел на своего пассажира.

– Ну, правильно! – возмутился тот. – Бери на таран! Бей, колоти! Не свое, не жалко!

Водитель молчал.

– Ты как? – спросил его пассажир.

– Вроде нормально!

– Ну, так чего сидим, сопли на кулак мотаем? Давай действуй! Или мне прикажешь?

Водитель выскочил из машины и бросился снимать с нее номера. Его шеф, щурясь от холодного ветра, тоже вылез в серую мглу.

Пассажиры «жигулей» почти не пострадали. Кроме одного. В «шестерке» ехала семья: четверо взрослых и двое детей. Мальчик, сидевший у двери, был убит. Насмерть и сразу. Пятилетний мальчик.

Дело, конечно, замяли. Джип за два дня починили и продали. Его пассажир пересел на другую машину. Карьера не пострадала. В пути чего не бывает! Что сказать? Бедовый, конечно, но – надежный.

Ну вот, мы увлеклись рассказом, забежав вперед, а теперь вернемся к Косте. Он с приятелем продолжал путь в столовую. Тогда судьба еще только раздумывала над тем, стоит или нет подтолкнуть встреченного ими чиновника ко всем предстоящим испытаниям. Костя и его приятель, прежде чем забыть о встрече, нашли повод пошутить.

– Он меня тоже в чекисты записал? – со смехом спросил Костя.

– Да у тебя на лбу написано, что ты – чекист на пенсии. Из тех, что одним движением голову откручивают.

– У него глаза, как окошки в кассовом аппарате. Р-раз, и все вычислено. Не то что у тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.